

ЗЕМЛЯКИ

МАЛИК ДУРСУНОВ

КИЗИЛОВАЯ ВОДКА И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КАРА-ДАЙЫ

Повесть

Подобно тому, как оглядываешься по сторонам, войдя в незнакомый зогаллинский двор, ожидая неожиданное нападение злой хозяйской собаки из-за угла, и на этот случай заранее запасаясь толстой палкой, так и на встречах с Кара-дайы ты должен быть готов к тому, что при малейшем его негодовании будешь безжалостно им наказан. И что интересно, если та самая толстая палка, с которой тыходишь во двор, на которую так рассчитываешь и надеешься, при умелом ее применении на самом деле защитит тебя от собаки, то в случае с Кара дайы никакие запаски тебе не помогут. Услышав подобное сравнение из уст любимого внука, Кара дайы пришел бы в ярость и, возможно, навсегда отвернулся бы от меня.

– Пригрел змею на груди! – выбранился бы он, вместо ожидаемой благодарности получив неожиданный коварный удар, в лучшем случае рукой указал бы мне на выход.

Но позвольте, правда ведь тоже дорогá! Да, я не воевал с финнами и с немцами! Да, я не гнал фашистов через пол-России, Украины и Польши до Дрездена! Да, он старше меня, да, он мой дедушка, и я как внук обязан во всем молча слушать его и повиноваться! Но ведь всему есть предел. Я тоже, в конце концов, уже не ребенок, я тоже хочу иметь слово.

Как сегодняшний день помню, шел тогда пятнадцатый год нашей с Кара-дайы дружбы. Именно в том году, в очередной свой приезд в Зогаллы я почувствовал, что внутри меня погасли те чувства, которые в первые годы нашего знакомства магнитом тянули к нему. Еще в предыдущий приезд у меня были ощущения, что я начал уставать от него, мне надоело бесконечно слушать его! Тогда я не придавал этому особого значения, но когда через год повторились мои сомнения о целесообразности встречи с ним, я крепко задумался. Я стал тянуть с дежурным звонком к нему – а ведь раньше звонил в первый же день своего прибытия в Зогаллы. При этом я знал, что если перестану посещать его хлебосольный дом, не увижусь с ним и с его гостеприимной женой, тогда бесславно потеряю Кара-дайы. Я очень боялся, что прервутся наши годами сложенные отношения, чего мне очень не хотелось. Но всё шло к этому, всё шло к развалу. Надо было что-то предпринимать, надо было что-то менять. А что менять, кого менять? Я не знал, как и чем спасти наши отношения, нашу дружбу.

Всевышний, видимо, увидев мои переживания, ниспослал мне спасение в лице тракториста Сулеймана, соседа Кара-дайы, да будет его покойный отец наслаждаться в раю!

Тракторист Сулейман, безобидный и добрый человек, считался любимым соседом и лучшим застольным компаньоном Кара-дайы, хотя возрастом он ему в сыновья годился. В среде зогаллинцев сосед Кара-дайы известен как «тракторист Сулейман», хотя сверстники и одноклассники его также именуют «морковью». Оказывается, в детские годы родители Сулеймана по совету врачей усиленно прикармливали свое чадо морковью. По словам одноклассников, в младших классах Сулейман часто даже в школу приходил с набитыми в карманы желто-золотистыми корнеплодами, хрустя, ел их в перерывах и ни с кем не делился. С тех пор сверстники дали ему

прозвище «Морковь». В средних и старших классах Сулейман перестал брать с собой в школу любимый продукт, но кушать его он не перестал. Морковь и сегодня, по словам Кара-дайы, является незаменимым продуктом для Сулеймана, употребляет он ее чаще всего, как в детские годы, в сыром виде, хотя не прочь съесть и вареную морковь. В семье Сулеймана также приготавливают на зиму сок из моркови, что для Зогаллы считается невиданным баловством. От присвоения неминуемого прозвища «Морковь» Сулеймана спасла любовь к сельскохозяйственной технике, которая определила его дальнейшую жизнь. После восьмого класса Сулейман три года учился на тракториста, а после армии до развала колхоза работал в нем трактористом. Считался Сулейман лучшим знатоком не только тракторов, но и всей сельскохозяйственной техники в Зогаллы, большинство зогаллинцев и сегодня прибегают к его помощи при ремонте тракторов или другой техники. На любую просьбу Сулейман отзывается моментально, не отказывает никому. Поэтому неудивительно, что «Морковь» как прозвище в зогаллинской среде не прижилось за Сулейманом, а безобидное прозвище «Тракторист» даже украшает его.

Тяга Кара-дайы к дружбе с мужчинами моложе себя, в первую очередь с Сулейманом, объяснялась дефицитом его ровесников в Зогаллы. К тому же те редкие старики в возрасте Кара-дайы, которые имелись в Зогаллы, как правило, были непьющими, поэтому они не имели необходимых параметров для дружбы с ним. С другой стороны, Кара-дайы во время застолья больше нуждался в хорошем и молчаливом слушателе, нежели в пьющем и поддерживающем его друге и компаньоне. Ровесники Кара-дайы, хорошо знавшие его, вряд ли согласились бы посвятить целые вечера слушанию героических рассказов бывшего командира разведывательного взвода. Воспитанный и в меру застенчивый Сулейман идеально вписывался в эти требования, к тому же имея слабость (или любовь) к спиртному, он всегда с энтузиазмом поддерживал Кара-дайы, когда тот предлагал ему составить компанию.

Весенние и летние месяцы Кара-дайы не нуждался в «услугах» Сулеймана, забывал о его существовании.

– Весенние и летние месяцы в Зогаллы – это рай, а в рай хочется всем. Кому хочется, пусть приезжает, всех примем, – по пьяни часто козырялся Кара-дайы перед своими гостями, отдыхающими в Зогаллы. А гостям так нравилось эпическое выражение хозяина дома, что, уезжая из Зогаллы, передавали его по цепочке своим друзьям и просто знакомым. Они передавали, а Кара-дайы потом с удовольствием расплачивался за свою поэтическую вольность. С приходом весны подвижные предчувствия рая отдыхающие выстраивались у врат рая, точнее, у ворот большого двора Кара-дайы. Именно они и не давали ему скучать, благо, среди них было много новых, которые не только наравне с ним выпивали, но и с упоением слушали его, потому как ситуация их обязывала. С наступлением осени отдыхающие уезжали, небеса над Зогаллы слезились тоскливыми дождями, бывало, шедшими неделями без остановки. В такие дни привыкшему к застольям Кара-дайы становилось тоскливо, он сильно скучал и тяжело коротал длинные осенние и зимние вечера. Тогда он вспоминал Сулеймана и приглашал его к себе, а бывало, что, прихватив с собой бутылку, сам напрашивался к Сулейману в гости.

В семье Сулеймана – его жена и дети – очень уважали Кара-дайы, каждый его приход для них был праздником. Соседские отношения однажды чуть было не испортились, когда много лет назад, неожиданно для всех, во дворе Сулеймана его корова сзади ударила Кара-дайы. Три дня пролежал Кара-дайы тогда в больнице, и еще месяц после больницы он восстанавливался дома в постели. Удар коровы сзади для Кара-дайы оказался не только неожиданным, но и чувствительным. Его повело. Он тогда начал чудить. О том, как он вел себя в восстановительный период после удара, сегодня в Зогаллы ходят анекдоты. В период восстановления, когда Кара-дайы лежал в постели у себя дома, он всем проводывающим показывал место удара, ого-

ляя задницу. Свою задницу он тогда показал даже участковому Сабиру, чем того сильно обескуражил, потому как на показывание представителю власти своей задницы, пусть даже травмированной, в те годы не каждый мог решиться. О чувствительности удара говорит еще тот факт, что в период восстановления Кара-дайы даже начал курить, забыв предостережения покойного отца о вреде табака.

– Потянуло, и всё, – позже оправдывался он, – не курил, а так, баловался. Всего две недели. Потом боли на заднице прошли, и я перестал курить, – говорил он, как бы намекая на то, что между ударом коровы по его заднице и появившимся после этого желанием курить имелась невидимая и таинственная связь.

Как бы там ни было, после месячного периода восстановления Кара-дайы пригласил Сулеймана к себе, и они вдвоем отметили его выздоровление. Тем самым Кара-дайы дал понять своему молодому соседу, что за хулиганскую выходку его коровы Сулейман как хозяин не в ответе, и никаких обид на него за это Кара-дайы не держит.

Позже еще был случай, когда Сулейман своим знаменитым трактором на улице задавил любимого петуха Кара-дайы – Кузнецова, названного им в честь своего боевого командира. И тогда их отношения не испортились. В тот же день жена Сулеймана поджарила петуха с обильным лучком, и они вдвоем съели боевого командира Кара-дайы, хотя позже Кара-дайы, придя в себя, стыдился и оправдывался, списывая обед с поджаренным «боевым товарищем» на проделки шайтана.

Семья Сулеймана сегодня обычная зогаллинская семья, но в одно время она была очень известна в Зогаллы. В молодые годы Сулейман и его жена, оказываясь, так страстно и безрассудно любили друг друга, что за глаза (и в глаза тоже) зогаллинцы влюбленную пару звали местными Асли и Керемом, ставя их любовь в один ряд с любовью героев средневекового дастана. В отличие от героев дастана, где Асли была армянкой, Керем – азербайджанцем, а история любви завершилась трагически, Сулейман и его жена были чистокровными зогаллинцами, и история их любви имела благополучный исход.

Когда Сулеймана призвали служить в ряды Советской армии, он с первого дня в течение двух лет каждый день писал по одному письму своей возлюбленной, на что та отвечала двумя письмами, тоже каждый день. Позже возлюбленная Сулеймана решила, что никакая переписка не заменит ей живого общения с любимым, и предприняла очень революционный, по зогаллинским меркам того времени, шаг. Даже выдавший виды Кара-дайы тогда сильно изумился смелости и наглости этой вертихвостки, как он ее позже долгое время называл:

– Ничего себе! – от изумления при свидетелях якобы на русском языке воскликнул Кара-дайы, узнав о поступке будущей жены Сулеймана. Те свидетели, при которых он воскликнул, сегодня подтверждают, что действительно Кара-дайы тогда от изумления выразился на русском языке примерно так, но только в более грубой форме. Зная Кара-дайы, у меня нет оснований не верить свидетелям, я тоже склоняюсь к тому, что удивленный и ошарашенный поведением зогаллинской девушки Кара-дайы не стеснялся тогда в выражениях.

А предприняла эта вертихвостка вот что: в одно прекрасное утро, после очередной бессонной ночи, она появилась во дворе родителей Сулеймана (по соседству с домом Кара-дайы, где они сейчас проживают) и слезно просила отца Сулеймана съездить вместе с ней в Ростовскую область, где служил его сын, и проведать ее жёниха.

– Скучаю, не могу. Пожалуйста! – попросила она отца Сулеймана и пустила такую крупную слезу, что тот моментально согласился.

Знакомые с дастаном «Асли и Керем» в курсе, что отец героини, армянский священник, в силу своего религиозного фанатизма во всем препятствовал соединению своей дочери с Керемом – сыном Гянджинского хана. Отец же будущей жены

Сулеймана был менее фанатичным, он готов был даже до армии сыграть свадьбу дочери и выдать ее замуж за Сулеймана.

– По мне, хоть сегодня отдам, – повсюду подчеркивал он и добавлял: – От греха подальше, – не все зогаллинцы при этом понимали, о каком грехе идет речь.

До службы в армии по каким-то неизвестным причинам сыграть их свадьбу не удалось, но родители молодых между собой договорились, что в течение недели после возвращения Сулеймана из армии они организуют им свадьбу.

– От греха подальше, – загадочно прошептали родители, в самом деле не стали тянуть и на пятый день после возвращения Сулеймана из армии справили им свадьбу.

Пылкая, страстная любовь молодых стала давать удивительные результаты. В положенный срок жена Сулеймана родила двойню – двух светлых девочек, которых почему-то в Зогаллы стали именовать «ростовскими девочками». Через полтора года жена Сулеймана родила опять двойню, и опять двух девочек. Одна часть молодежи в Зогаллы стала шутить, будто Сулеймана в армии научили особому методу обработки жены, поэтому она «дуплетом» стреляет. Сулейман противился:

– Как все, так и я, – говорил он. – Ничего особенного, – категорически отрицающая наличие у него какого-то секретного и особого подхода к жене.

Другая часть молодежи всерьез решила, что причиной плодовитости жены Сулеймана является безмерное употребление им в пищу моркови. Учитель биологии зогаллинской средней школы Тельман-муаллим категорически отверг подобные домыслы молодежи и однозначно заявил, что по сей день науке не известна прямая связь между активным употреблением моркови мужем и плодовитостью его жены. Кара-дайы согласился с Тельман-муаллимом, в подтверждение его слов заявив, что такая связь если и существует, то только, может быть, у кроликов.

Более продвинутая молодежь посчитала, что если Сулейман сохранит взятый темп, то через пятнадцать лет количество детей у него во дворе превысит двадцать пять.

Тем временем Сулейман с женой продолжали заниматься любимым делом, останавливаться они не собирались. Но третьи роды у жены Сулеймана получились обычными, родила она только одного ребенка. Это был мальчик, которого, видимо, оба ждали. Сверстники стали шутить, что Сулейман на этот раз сильно не старался и не усердствовал: к тому же, как назло, в том году в Зогаллы был неурожай моркови – мол, Сулейман меньше обычного ел морковь, поэтому двойня у них не получилась. А тот в ответ улыбался и говорил:

– Всё идет по плану.

Сверстники слушали Сулеймана и не знали, о каком плане он говорит.

Немного разочаровались ожидающие очередной двойни другие зогаллинцы, которые рассчитывали на установление Сулейманом и его женой рекорда по количеству детей в одной семье.

Но после рождения сына, неожиданно для всех, Сулейман и его жена решили снизить взятую крейсерскую скорость, о чем его жена с присущими ей открытостью и категоричностью заявила подругам, которые всё еще надеялись на рекорд:

– Никаких рекордов! Мы сворачиваем!

Сулейман согласился с женой:

– Мы свой пятилетний план выполнили за четыре года! – сказал он своим сверстникам, и стало понятно, по какому плану работали Сулейман и его жена. – Пусть дальше остальные работают. Нам сейчас надо детей поставить на ноги.

Резкое сворачивание с пути количественного пополнения семьи привело к постепенному угасанию любовных отношений между Сулейманом и его женой. Жена Сулеймана с головой ушла в воспитание малолетних детей. Из всех существующих в детской педагогике методов воспитания предпочтение она отдала уходу за ними и их кормлению. И надо сказать, это ей удавалось с лихвой: дети были всегда чистыми и

аккуратными, их питание было качественное и полноценное. Что интересно, одновременно с кормлением детей не менее интенсивно стала питаться она сама. Дети росли согласно законам природы, набирая в весе и прибавляя в росте. Их мама росла не хуже, но она набирала только в весе при неизменном росте и развивалась вширь. К концу следующей пятилетки старшие девочки пошли в школу, мальчик пока готовился туда, мама продолжала полнеть и расширяться в объеме. Издали своими габаритами она стала напоминать основание столетнего дуба. Молодой приезжий учитель географии зогаллинской школы, встретившись с женой Сулеймана в школе, когда она приводила своих девочек, был настолько впечатлен ее окружностью, что в приватной беседе со своими коллегами сравнил её со школьным глобусом.

Тем временем, пока жена была занята детьми и собой, все хозяйственные работы по дому легли на плечи Сулеймана. Он работал с утра до вечера – надо было кормить пятерых детей и прожорливую жену. А когда выдавалась свободная минута, Сулейман посвящал ее обслуживанию и ремонту имеющейся у него техники.

К моменту моего с ним знакомства у него во дворе имелись все виды техники, необходимые в сельской местности, чем Сулейман очень гордился и часто хвастался. Техника всегда наготове стояла под навесом, как боевой взвод перед учениями. Сенокосилка соседствовала со сноповязалкой, мотопила «Дружба» с водяным насосом, дробилка для кормов с электрогенератором. Тут же в ряду красовались и многие другие образцы всевозможной техники, пригодные в хозяйстве. Как пионеры на линейке, они были всегда чистыми, аккуратными и очищенными от грязи заботливым хозяином и ждали своего применения. Особой любовью у Сулеймана пользовались его старый желтый «Москвич» и не менее старый трактор «Беларусь», который якобы за неимением места во дворе ночевал на улице, напротив ворот Кара-дайы. Все соседи знали, что жена Сулеймана не разрешала мужу загнать трактор на ночь во двор, из всей имеющейся техники она почему-то ревновала мужа к его трактору. Старый трактор отнимал у Сулеймана много времени и средств, поэтому его жена настаивала, чтобы тот продал свою старую колымагу и тогда она согласилась бы на покупку нового и даже помогла бы ему с покупкой. Соседи почему-то были уверены, что у жены Сулеймана имеется неплохая заначка, собранная ею на непредвиденные хозяйственные нужды.

– Знаю я их, новых, – отвечал Сулейман жене, – день поработаешь, потом неделю будешь возиться с ними.

Сулейман не соглашался на продажу трактора, а жена его злилась.

– Иди тогда к своему трактору, – то ли в шутку, то ли всерьез, часто при соседях говорила она своему мужу, – зачем я тебе нужна? И ночью можешь домой не приходиться, ночуй у своего трактора в кабине.

Улыбался Сулейман и уходил, махнув рукой, и напрямик направлялся к своему трактору, чтобы в очередной раз завинтить гайку, которую он только вчера завинтил, или же проверять тормоза, которые буквально два дня назад проверял.

Тот же Кара-дайы в беседе со мной как-то говорил, что старый трактор действительно отнимает много времени и средств у Сулеймана.

– Если бы Сулейман, – говорил Кара-дайы, – со своей женой возился столько, сколько со своим трактором, так же гладил и лелеял ее, как своего железного друга, жена Сулеймана, пожертвовав собой и сэкономив в еде, давно купила бы мужу новый трактор: если и не минского производства, то трактор гянджинской сборки, это точно.

Но Сулейман был верен своему старому другу-трактору, продавать его не хотел, поэтому часто нуждался в запчастях для своего железного коня, в поисках которых он иногда неделями мотался из одного города в другой, начиная с Загаталы, кончая Евлахом. Дальше этих городов он никуда не ездил, те запчасти, которые он не находил в этих городах, ему привозили из других городов. И часто по его просьбе его дальние родственники или просто знакомые люди посылали ему запчасти из Баку

или Тбилиси для его любимого трактора «Беларусь», лишь бы тот у него был всегда в строю. Ни денег, ни средств, ни любви Сулейман не жалел для него.

Часто, когда Сулейман возился со своим трактором, его жена тоже выходила на улицу, сидела на табурете, вынесенном из дому и, они, как в молодые годы, о чем-то мило беседовали.

Там же, напротив ворот Кара-дайы, на улице я впервые увиделся с женой Сулеймана. Заметив издали, по ее словам, она не узнала меня, а когда узнала, тут же встала с табурета и стала ждать. Подойдя к ним, я первым делом поздоровался с Сулейманом возле его трактора. Пока мы с ним о чем-то говорили, к трактору подползла и его жена (к ее движению в мою сторону я и сегодня не могу подобрать другого слова). Улыбаясь, неожиданно для меня, она потянула руки вверх. От неожиданности я даже сделал шаг назад, только потом сообразил, что она хочет обнять меня за шею. Выхода не было, я нагнулся, чтобы она достала мою шею. Схватив за шею, она смачно поцеловала меня в обе щеки и начала говорить так быстро, будто пулемет строчил в бою:

– Вижу, кто-то идет в нашу сторону, но никак не узнаю: кто ж, интересно, идет? На наших не похож. Потом узнала вас: так это же внук Кара-дайы! Успела и Сулейману покричать: «Смотри, кто идет». А он роется в своем тракторе и ноль внимания моим словам...

Я поинтересовался у нее детьми – девочками, которые уже были замужем, и мальчиком, который учился в университете, – заодно похвалил их сына. Сын у них действительно был очень воспитанным и умным мальчиком. Моя похвала в адрес единственного сына так воодушевила жену Сулеймана, что она стала дальше строчить:

– Если бы вы знали, как наш сын уважает вас. Если бы он был дома, сейчас прибежал бы с вами здороваться. Но его нет дома, он на учебе. Зато мы дома, его родители. Так что давайте ошибемся калитками, зайдем сегодня не к бабушке, а к нам. Двор полон молодыми курами, сейчас Сулейман зарежет троих, я быстро поджарю их, потом и Кара-дайы позовем. – Чтобы убедить меня, что приглашение от души и оно серьезное, что молодых кур у них на самом деле много, она на этот раз подползла к калитке, открыла ее и показала мне двор. – Видите?

Действительно, весь их двор был оккупирован курами разных цветов. Но я извинился, сказал, что бабушка меня ждет, как-нибудь в будущем обязательно зайду.

Таких встреч у меня с Сулейманом и его женой в последующие годы было несколько, но сценарий всегда был одинаковым, он повторялся из года в год. Те же смачные поцелуи в обе щеки, те же три курицы, которых она собиралась резать, если я зайду к ним, и та же демонстрация кур через открытую калитку. Однажды после «официальной» части нашей с ней встречи она по принятой последовательности открыла калитку, чтобы в очередной раз продемонстрировать мне армию своих домашних пернатых, а их во дворе не оказалось. Увидев их отсутствие, она запищала, забыла о приглашении и забежала во двор, по дороге ругая мужа:

– Опять Сулейман оставил открытую дверь в фундуковый сад, чтобы руки его отсохли!

Мы с Сулейманом посмеялись, поднятием плеч Сулейман обозначил мне, мол, вот такая у него жена, не всё так гладко у них в семье, как со стороны кажется.

Я грешным делом тогда подумал: интересно, могла бы армянка Асли так проклинать за оставленную открытую дверь своего Керема через двадцать пять лет совместной жизни, если бы ее отец-священник не помешал им жениться?

А что касается кур, которых жена Сулеймана готова была резать, и количество которых не менялось из года в год, я определил, что три курицы – это лимит в этой семье для гостей моего уровня.

В тот вечер, когда я в тяжелых раздумьях подходил к дому Кара-дайы, Сулейман был один и будто по графику копошился в кишках своего железного коня. Там же, на улице, напротив ворот Кара-дайы мы с ним встретились.

Какой же, оказывается, чувствительный человек Сулейман, любимый сосед Кара-дайы! Одной подсказкой спас тогда он меня и Кара-дайы от полного разрушения наших отношений. Не отходя от своего трактора, на ногах и не раздумывая, он дал такой совет, что в тот же день восстановились мои почти угасшие чувства любви к бабушке Кара-дайы.

Шел тогда четвертый день моего пребывания в Зогаллы. Кара-дайы, скорее всего, был наслышан, что я нахожусь в деревне. Скорее всего, он тоже думал, почему я медлю со звонком и почему до сих пор мы не увиделись с ним. В былые годы, бросив все дела, первым делом я проводывал его, на этот раз, как уже говорил, я к нему не торопился.

С утра младший брат поинтересовался, когда я собираюсь увидеться с Кара-дайы. Оказывается, каждый раз, где бы они с Кара-дайы ни встречались на деревенских мероприятиях – на свадьбах или похоронах, – тот обязательно спрашивал у него, когда в этом году я приеду в отпуск.

– Сходи, проведай, – сказал брат. – Узнает, что приехал и до сих пор не проведаль его, обидится.

– Хорошо, – ответил я. – Как раз сегодня собирался, – и пошел звонить ему.

Трубку долго не брали, потом детский голос ответил мне, что бабушки дома нет. Через два часа повторился тот же ответ, я для себя решил, что если и на третий звонок ответит ребенок, значит, наверху решили, что мне пора завязать с Кара-дайы. Но я ошибался, верхи, оказывается, ничего не решили: когда я в третий раз набрал его номер, трубку с первого гудка поднял Кара-дайы. Видимо, он был информирован внуком, что с утра какой-то незнакомый мужчина дважды звонил и искал его. Голос у Кара-дайы был подавленным, ответил он сухо.

– Слушаю, – сказал он и после коротких дежурных приветствий недовольным голосом приказал: – Приходи вечером, буду ждать!

После шести часов вечера я оделся, прихватил привезенный из Украины го-стинец – подсолнечную халву, вышел на улицу и направился к нему домой.

Было еще светло, медленно наступал прохладный зогаллинский вечер после августовской дневной жары. Я, как никогда, понимал, что если не изменить существующую между нами форму отношений, сегодняшняя встреча станет последней. Если и сегодняшнее застолье превратится в очередное издевательство Кара-дайы надо мной, я окончательно остыну к нему, и моя душа покроется слоем горечи и обиды.

Кто его знает, расстались бы, видимо, мы с Кара-дайы надолго.

В дом Кара-дайы я шел медленно и неохотно, по дороге здороваясь со знакомыми односельчанами. Пятнадцать лет назад, после окончания института и службы в армии, каким-то неведомым судом мне был вынесен приговор следующего предписания: по прибытии в Зогаллы обязательно посещать дом Кара-дайы, проводить его и его жену, садиться с ним за стол, есть и пить все то, что он предложит, и молча слушать его! В течение пятнадцати лет я исправно выполнял данное предписание, а сегодня наступал последний вечер приговора для меня.

Задача передо мной стояла не из легких. Чтобы не потерять Кара-дайы, чего мне меньше всего хотелось, я должен был решиться на кардинальные преобразования наших отношений. Хватит ли у меня сообразительности и умения? Об этом я думал всю дорогу.

А как всё красиво начиналось: первые годы нашего общения в каждый свой приезд я на крыльях летел к нему, чтобы повидаться с ним и с его гостеприимной женой, участвовать в застольях, организованных в честь моего приезда, а потом бесконечно слушать его! С самого первого дня нашего близкого знакомства я был заворожен его знаниями истории Зогаллы, его увлекательными рассказами о прошлом моей родной деревни. Меня подкупали его острый ум и не менее острый язык: подолгу не видел его, я начинал скучать по его сквернословию, настолько это естественно звучало из его уст. Я получал невероятное удовольствие, когда во время наших бесед он непринужденно переходил с одного языка на другой: с азербайджанского языка на грузинский, потом на русский, произнеся несколько знакомых только ему слов на немецком, он опять возвращался на родной азербайджанский.

А как он любил ругаться: в этой жизни никто ему не нравился, он ругал всех подряд и на всех знакомых ему языках. Особое удовольствие я получал, когда он ругался на русском, при этом, бывало, попадало и мне. Но я никогда не обижался на него, несмотря на то, что он часто высмеивал мою неприспособленность к новой жизни.

Наша с ним дружба держалась не только на наших родственных связях и моей тоске по родной крови. Я, как никто, восхищался его героическим прошлым и гордился им. От этого еще больше тянуло меня к старшему нашего фамильного рода «посохов». Признаюсь, немаловажную роль в нашей дружбе также играла одинаковая у нас с ним любовь к застольям, которые он организовывал в честь моего приезда. А как меня притягивали крепкие напитки его собственного домашнего изготовления, словами не передать. Если в первые годы нашей дружбы я спешил на встречу с Кара-дайы в надежде услышать от него очередную героическую историю из его длинной жизни, то со временем я начал понимать, что меня к нему притягивает еще и предвкушение обильного застолья. Каждый раз с замиранием сердца в предчувствии предстоящего удовольствия я ждал, с каким именно напитком он поднимется из подвала: или это будет мягкое, свежее и золотистое зогаллинское вино, или он расщедрится и принесет на стол более крепкий напиток высшей зогаллинской пробы и многолетней выдержки. Минуты, когда он не спеша вставал со стула и не торопясь спускался в подвал за вожделенным напитком и так же не спеша поднимался оттуда с наполненной бутылкой из-под гахской минеральной воды, для меня были самыми утомительными. Как опытный застольный боец, Кара-дайы чутко улавливал мою слабость, поэтому, как только начиналось застолье, он беспрерывно наливал и себе, и мне. И мы с ним пили, а потом он рассказывал, а я продолжал его слушать.

Пользуясь моей юношеской любопытностью и любовью к нему, Кара-дайы буквально охмурил меня, как шайтан, когда-то охмутивший его самого. Я был влюблен в искусство потребления им крепких домашних напитков, был очарован его обаянием, не показной гостеприимностью, умением организовать и вести незабываемые застолья. Своими рассказами Кара-дайы затуманил мой ум, я был лишен инициативы и желания высказаться. Авторитет Кара-дайы для меня был настолько высок, психологическое давление было настолько сильно, что я во всем с ним соглашался. Иногда после некоторых его рассказов у меня появлялось неудержимое желание высказаться, но я был будто загипнотизирован им, поэтому, как правило, предпочитал молчать.

Не поверите: часто в дни, когда собирался к нему в гости, я с утра ограничивал себя в еде, потому что знал, что у него дома мне придется есть с добавкой, особенно чтобы хозяйке было приятно, настолько дружелюбно и гостеприимно она меня принимала. Негласно от меня требовалось одно: есть, пить и слушать рассказы хозяина дома. Слушал я его с большим интересом, всегда с любовью, иногда с сочувствием. Был один небольшой недостаток в нашем общении, которого поначалу я не

замечал: он мне не давал говорить! В наших с ним застольях всегда говорил он. Отведя мне роль молчаливого слушателя, Кара-дайы не спеша листал страницы своей длинной и увлекательной жизни. Во время рассказов он радовался и расстраивался, смеялся и грустил, он сам заводился, сам и успокаивался.

Безусловно, элементов артистизма в действиях Кара-дайы всегда было достаточно, но он всегда оставался самим собой, никогда не играл и никогда себя не выпячивал. Он на самом деле был таким, каким себя показывал.

Позже в мою голову стали приходиться сугубо шайтанские мысли, будто, если бы в доме Карадайы не было столь обильного угощения едой и крепкими напитками, то, возможно, я не так часто и не так рьяно проводывал бы его, ходил бы к нему не так регулярно. В подобные минуты я сначала терялся, не знал, что меня заставляет так думать. Придя в себя, я действовал решительно, выбрасывал из головы подобные, порочащие весь наш род «посохов» мысли. Начиная уверять себя в том, что к Карадайы меня тянут исключительно наши родственные связи и моя романтическая влюбленность в своего дедушку! Всё! Всё остальное вторично! Ну что же с того, что он много говорит и не дает мне высказаться? От меня тоже ведь многое не требуется: сиди, жуй, пей и слушай дедушку. Я так и делал – ел, пил и слушал!

– Даром пою и кормлю тебя, – говорил он мне. – Всё равно с тебя толку мало. Хоть слушай, может, что запомнишь и когда-нибудь что-нибудь да напишешь.

Я слушал, кивал головой и, бывало, иногда хвалил его. Услышав похвалу в свой адрес, он во время своих рассказов моментально останавливался и давал мне слово только для того, чтобы я говорил что-то восхищенное о нем.

Со временем, исчерпав весь свой героический репертуар, он стал повторяться, но я вынужден был дальше слушать его. Права голоса я не имел. Это было форменное издевательство с его стороны: сколько один человек может слушать другого? Но я продолжал навещать его, меня продолжало тянуть к нему, в его дом. Когда-нибудь специалисты, наверно, будут изучать феномен подобного поведения, когда человека неумолимо тянет в дом, где хозяин, воспользовавшись романтической увлеченностью гостя, сначала его вкусно поит и кормит, а потом заставляет слушать всевозможные истории о своем героическом прошлом.

Когда срок нашей дружбы перевалил за десять лет, после каждой встречи с Кара-дайы я стал задумываться над перспективой наших с ним взаимоотношений. Перспектива вырисовывалась нерадостная, шла нарастающая тенденция к ее ухудшению. Над этим вопросом я задумывался на следующий день, наступающий после нашего очередного с ним вечернего застолья, которое, как правило, заканчивалось за полночь. Просыпаясь с тяжелой головой после подобных «дружественных встреч», первым делом я старался восстановить детали его вчерашних рассказов. И каждый раз ловил себя на том, что годами Кара-дайы стал проявлять еще большую надменность по отношению ко мне. Но ничего не менялось: я как слушал его, так и продолжал слушать, не имея своего мнения.

Для самого Кара-дайы ничего неординарного не происходило, страдающим оказывался я. Кара-дайы не нуждался в моих подсказках. Но если в первые годы я легко переносил подобную дискриминацию и его колючие уколы, с возрастом мне захотелось более-менее равных отношений с ним.

Если быть откровенным до конца и смотреть вглубь, получалось, что во всем я сам и виноват! Я и больше никто! Как попал я на крючок Кара-дайы в молодые годы, так и продолжал висеть на нем словно тушка барана на стеллаже у мясника. Как хотел, так и разделял он меня! Но как мне быть, я не знал, тянуло меня к нему, как преступника тянет на место преступления.

Не раз, после получения очередной порции нагоняя, я давал себе слово, что больше с ним пить не буду, общаться с ним буду только с чаем. Пока мы с ним не начинали пить, Кара-дайы со мной был хоть и суров, но вел себя достаточно вежливо

и учтиво. Не считая некоторых колкостей, в целом мы мило беседовали, как положено было почтенному аксакалу и его послушному внуку. В такие минуты я спокойно переносил любые его шутки и насмешки. Но что самое интересное, общение с ним втретью быстро начинало мне надоедать, и я стал оглядываться, когда же он пойдет в подвал за долгожданным напитком. А он будто чувствовал, что подошло время порки, вставал и медленно направлялся в свои закрома. Некоторые подумают, что с этого момента начиналось самое противное. Ничего подобного. Когда начиналось застолье с принесенным Кара-дайы напитком, начиналась самая интересная и увлекательная часть программы. Противное начиналось позже, мучения мои наступали на следующий день, когда в силу мнительности своего характера я начинал анализировать и вспоминать подробности произошедшего.

Мне бы хоть раз стать в позу и решительно отказать ему:

– Кара-дайы, можете не спускаться в подвал, сегодня я пить не буду!

Сколько раз я не решался на такой шаг, не обессудьте меня, не получалось в течение пятнадцати лет! Какая-то неведомая сила заставляла меня сидеть с ним, не умел я отказать от его застолья с выпивкой, хоть убейте!

Кара-дайы насильно не заставлял меня пить, под угрозами не заливал мне водку в рот, мне самому нравилось это занятие! Нравилось еще потому, тут тоже надо правду сказать, что напитки его действительно вкусные, бесподобно вкусные.

Правы были те, кто в самом начале нашей с ним дружбы предупреждал меня, я никого тогда не слушал.

– Будь осторожен, – говорили мне добрые люди, – что его дом, что он сам – настоящие магниты! Привыкнешь, будет тебя тянуть к ним, и зависнешь там.

И завис ведь в итоге! Если бы не он, кто его знает, может, я вообще не прирагивался бы к спиртному, как некоторые новоиспеченные наши муллы. Он ведь сам меня и научил этому искусству.

– Институт закончил, армию отслужил, сейчас можно, – помнится, сказал тогда он мне, заманивая к столу, и с тех пор я и пил с ним наравне, когда встречались, а бывало и перепивал.

Когда я подходил к воротам Кара-дайы, его сосед Сулейман, как я уже говорил, по традиции на улице возился со своим старым трактором марки «Беларусь». Все зогаллицы, включая меня, обращались к нему по имени, хотя по возрасту полагалось обратиться к нему как «дядя Сулейман». Увидев меня, он масляной тряпкой тщательно вытер руки, но поняв, что от этого его руки не стали чище, протянул запястье правой руки, и мы поздоровались.

– К дедушке опять собрался? – улыбаясь, спросил он. – Не надоел он тебе еще?

– Нет, вроде, – ответил я, но удивился, что как заправский психолог Сулейман прочитал мои мысли. Он продолжал улыбаться:

– Кара-дайы быстро всем надоедает. Ты молодец, держись столько лет.

– Я же раз в год навещаю его, может, поэтому, – ответил я, но догадался, что Сулейман хочет мне что-то посоветовать.

– А чем он тебя угощает? – уж очень загадочно спросил Сулейман у меня.

– Тем, что он и сам пьет, – ответил я. Но не понял, к чему он задал этот вопрос.

– Чем именно, можешь сказать? – дальше напирал Сулейман.

Я перечислил Сулейману, что обычно Кара-дайы подносит из подвала:

– Обычно тутовкой, бывает, принесет и алычовку, раз, помню, пили и сливовку.

Несколько раз сидели с вином.

– Тогда всё понятно! – твердо выпалил Сулейман. – Тогда я тебе не завидую.

А я думал, что он тебя угощает кизиловой водкой, раз ты без усталости и столько лет ходишь к нему.

– Ни разу кизиловой водкой он меня не угощал, – честно признался я.

– Тогда слушай меня внимательно, – еще больше удивился Сулейман и по секрету открыл мне одну тайну, – кизиловая водка – единственный напиток, при распитии которого твой дедушка не кричит на собеседника, не унижает его и не сильно ругается. Я-то уж точно знаю, поверь мне, столько лет соседствуем, – поделился он со мной. – Будете и дальше пить тутовку, виноградную водку, сливовку или даже алычовку, не рассчитывай на доброжелательное отношение к себе с его стороны. Единственный напиток, который умиротворяет его, – это кизиловая водка! Хочешь ровных отношений с ним, хочешь спокойного застолья, – попроси у него на стол кизиловую водку. Сегодня же попроси. Ее у него мало в подвале. Но я знаю, тебе он не откажет. Тогда ты узнаешь своего дедушку еще глубже, много интересного он тебе расскажет, – посмеялся Сулейман в конце. – Впредь с ним пей только кизиловую водку! И не говори ему, что я подсказал тебе!

Поблагодарив Сулеймана, который стал дальше копошиться в двигателе своего трактора, я направился к воротам Кара-дайы, чтобы войти во двор. Прежде чем зайти, я сам себе задал вопрос: «Почему, интересно, за пятнадцать лет наших застолий Кара-дайы ни разу не угощал меня кизиловой водкой?»

В таких раздумьях я вошел во двор.

Поздоровался он со мной, как всегда, сухо. Не прошло и пятнадцати минут, Кара-дайы по старой привычке кольнул меня, то ли в шутку, то ли всерьез предложить подложить мой диплом об окончании института под ножку стола. А случилось вот что: стали мы с ним устанавливать стол во дворе под старым грушевым деревом в ожидании ужина. Стоял прохладный августовский вечер. Как я уже говорил, Кара-дайы был не в настроении (когда он был в настроении перед едой, я и не помню). По каждой мелочи и необоснованно он кричал то в сторону жены, то мне. К тому же он придирался к каждому моему движению: то я не так держу стол, то не туда поставил.

– Все мы горазды пить и есть за чужой счет! Институты заканчивали, а стол обеденный ровно установить не можем!

Зная его характер, я проглотил и этот укол. И как назло, на самом деле мы долго не могли с ним уравновесить стол. То ли поверхность земли под деревом была неровная, то ли ножки стола были одна короче других. Только подставляли камешек под одну ножку, хромала другая ножка. После нескольких неудачных попыток Кара-дайы изучающе посмотрел на меня, сказал:

– Сейчас твой диплом как раз пригодился бы под ножку стола! Помню, из хорошего толстого картона он был сделан, – и ехидно засмеялся, а после добавил. – Все равно с него, как я понимаю, пользы мало!

«Надо же, – подумал я, – помнит, старый, мой диплом».

Столько лет прошло, а он, оказывается, всё помнил: после окончания института я вернулся домой с вожделенным дипломом. Почти все зогаллинцы пришли тогда поздравлять меня и моих родителей с успешным окончанием вуза. К вечеру появился и Кара-дайы. Поздравив моих родителей, он тогда подошел ко мне и приказал:

– Принеси, посмотрю! Какой он, твой хваленый диплом институтский?

Позже он долго и изучающе крутил его в руках, – проверял, видимо, на прочность, а возвращая, под смех присутствующих, сказал:

– Из хорошего, толстого картона сделан!

Я тогда не придал значения его словам.

Но когда через столько лет он опять вспомнил толщину картона моего диплома, я очень удивился, но, конечно же, опять промолчал. А что мне оставалось делать? Не скажу же я ему в ответ, – мол, уважаемый Кара-дайы, дорогой мой дедушка, если на то пошло, ваша книжка от ордена Красной Звезды сделана из не менее крепкого картона. Я представлял его реакцию: он выругал бы меня и моментально выставлял бы со двора. Мало того, накрылось бы долгожданное мной застолье. А этого

я, честно признаюсь, в тот вечер не хотел, поэтому действовал аккуратно, чтобы не сорвать намеченный ужин. Войдя во двор, для себя тогда я решил: сегодня тоже по-терплю, раз пришел последний раз, пусть и ужин будет по полной.

Ну а если вернуться к моему диплому и посчитать по годам, я на свой картон потратил ровно четыре года, столько в войну с немцами он потратил на свой картон от ордена Красной Звезды. Разве это ему объяснишь?

Нет-нет, видно, я опять поддался шайтану, нельзя сравнивать картон, добытый в мирных условиях, с картоном, добытым под пулями!

Я поступил так, как посоветовал мне тракторист Сулейман. В тот вечер впервые за столом я уперся.

– Если есть кизиловая водка, – сказал я, – то выпью с вами. А так, не хочу пить, извините, Кара-дайы. Водку и в Украине хорошую делают. Если нет у вас кизиловой водки, давайте тогда чай пить. Я как раз привез вам украинскую подсолнечную халву, давайте с халвой чаевать.

Кара-дайы собирался в подвал, услышав мои слова, приостановился, от моего неожиданного заявления чуть было не уронил из рук темную пустую бутылку из-под гахской минеральной воды. Ни слова не сказав, он долго и подозрительно смотрел на меня: «Кто, мол, тебя надоумил?» Не найдя ответа, ни слова не проронив, медленно направился в подвал.

Вернулся Кара-дайы с пол-литровой бутылкой, на три четверти наполненной кизиловой водкой. С того дня из всех видов домашних водок, имеющихся у него в подвале, мы с ним стали пить только кизиловую водку. Вино не в счет, вино мы могли пить с ним всегда, иногда даже вместо воды. И начался новый, более увлекательный этап наших отношений.

С появлением кизиловой водки на наших застольях я стал чувствовать себя более свободным, стал вести себя открыто, и наши отношения с Кара-дайы стали более равноценными. Вульгарность Кара-дайы, когда-то приравненная мною к его раскрепощенности, стала уходить в прошлое. В моих глазах он преобразился в совершенно нового человека, способного понять и выслушать собеседника.

В первый вечер с кизиловой водкой Кара-дайы рассказал о наставлениях своего покойного отца, о его мудрости и дальновидности, которыми он восхищался по сей день.

Кара-дайы не любил вспоминать свое детство, не любил рассказов о своих родителях. Это был первый рассказ Кара-дайы о своем отце за пятнадцать лет нашего близкого общения.

За три дня до своей кончины покойный отец Кара-дайы, оказывается, позвал к себе одиннадцатилетнего сына, посадил рядом с собой, погладил его по голове, что делал он очень редко, и дал ему наставления на жизнь. В тот день отец Кара-дайы гостил у своего друга, грузина Автандила, и, как всегда, вернулся оттуда хорошо выпивший. По словам Кара-дайы, вечером отец обошел весь двор, проверил скотный сарай, курятник и остался доволен маленьким сыном, который управлял этим большим хозяйством. Позже он стал обходить дом, проверил первый этаж, потом, к удивлению сына, поднялся даже на второй. Потому как, оказывается, отец Кара-дайы никогда не поднимался на второй этаж построенного собственными руками дома, ел и спал всегда на первом этаже. И только после этого он имел откровенный и долгий разговор с сыном.

– Выглядел отец внешне, как обычно, нельзя сказать, что он выглядел большим. Было темно, я к тому же был одиннадцатилетним ребенком, что я понимал?

Детям всегда кажется, что их родители будут жить вечно, так и я ничего плохого не мог думать. Может, он чувствовал, что смерть у него на носу и скоро настигнет его, – говорил Кара-дайы, рассказывая мне эту историю. – Раньше люди более чувствительными были, многое предвидели, не то что сейчас. Сейчас народ такой пошел, что и жить не умеет нормально, и смерти своей не чувствует. Может, такое видение было моему отцу, что проживает последние дни на земле, кто его знает, – печалился Кара-дайы, вспоминая отца.

Так вот, посадил, оказывается, Уста Нурулла своего единственного сына рядом с собой, погладил его по голове и рассказал сыну, как ему дальше жить. По словам Кара-дайы, его отец говорил много, так как отец был выпившим, а речь его была несвязная, а Кара-дайы тогда был маленьким и не слишком смышленным, добрую часть его рассказа Кара-дайы сегодня не помнит. Но основную часть отцовских поручений он запомнил навсегда.

– Этот дом, – сказал ему отец, – построен для тебя! Кроме тебя, у меня никого на этом свете нет! Запомнил?

– Да, – тихо ответил тогда слегка напуганный Кара-дайы, потому что не знал, почему отец все это рассказывает, и продолжал смотреть отцу в рот, что он еще попросит запомнить.

Дальше шло самое важное.

– Многие зогаллинцы меня упрекают за мое пристрастие к водке, – продолжал якобы отец. – Может, они и правы, но я ни о чем не жалею. И самое главное, я и тебе не запрещаю пить, когда вырастешь. Знай, Кара! – твердо сказал отец, и Кара-дайы, по его сегодняшнему утверждению, запомнил слова отца на всю жизнь. И не только запомнил. – Подвал дома предназначен для погреба, чтобы хранить там продукты, вино и водку. Вырастешь, можешь сам дома изготавливать и вина, и водку, вон сколько винограда и фруктовых деревьев во дворе. Я тебе и это разрешаю! Не захочешь, мой друг, грузин Автандил, никогда тебя не обидит, даст тебе столько, сколько захочешь. Но лучше будет, если ты сам научишься этому делу и никого не будешь просить. Самое главное, Кара, я тебе разрешаю пить! – по словам Кара-дайы, именно это наставление сыну отец несколько раз в тот вечер повторял. – Кара, пей, сколько хочешь, но с умом! Только с умом! – якобы он еще указал сыну, как ему надо будет пить. – А в большой комнате с камином на первом этаже принимай гостей. Я когда строил дом, для себя так представлял. Видимо, не судьба была мне принимать там гостей. А ты принимай, именно там, понял? – сказал отец своему сыну и тут же от него получил утвердительный ответ.

– Хорошо, – ответил тогда Кара-дайы отцу, – пить буду с умом, гостей буду принимать на первом этаже в большой комнате с камином.

После этого отец Кара-дайы, по его рассказу, надолго замолк, замолк и его сын. О чем тогда думал одиннадцатилетний Кара-дайы, он сегодня не знает, тем более не может знать, о чем думал его отец. Но помнит, что через какое-то время отец будто что-то вспомнил и добавил.

– И еще, – сказал он сыну, – у меня будет к тебе еще одна просьба, Кара. Пить я тебе разрешаю, пей, сколько хочешь, но с умом! – опять повторился он. – Только никогда табак не кури! Все болезни от табака!

Кара-дайы в тот вечер дал слово отцу, что курить он никогда не будет, а пить будет по надобности, если уж отец разрешает, и только с умом. На этом якобы и закрыли тему.

– Такова была воля отца, я дал ему слово, что буду придерживаться его наставлений! И всю жизнь придерживаюсь, как бы это мне тяжело ни давалось! – гордо заявил в тот вечер Кара-дайы, и, честно говоря, мне было непонятно, какое из двух наставлений отца в жизни его сыну давалось тяжелее: распитие спиртных по надобности и с умом или воздержание от курения.

Если покойный отец Кара-дайы на самом деле давал сыну такие наставления, могу свидетельствовать, что Кара-дайы, как послушный сын, всегда их придерживался: гостей он принимал в большой комнате с камином на первом этаже и пил с ними по надобности и с умом, никогда в жизни не курил. Даже во время войны, когда вокруг все курили, Кара-дайы не притрагивался к махорке и раздавал ее своим подчиненным, а иногда, помня наставления отца, махорку обменивал на спирт и даже на фронте пил с умом и в меру.

Зная врожденную склонность Кара-дайы к преувеличению и приукрашиванию, сегодня большинство зогаллинцев не верят, что на самом деле такова была последняя воля отца. Многим почему-то кажется, что этим Кара-дайы как бы оправдывает почти более чем полувековой отрезок своей жизни, которая прошла под знаменем застолий и выпивок. Сам Кара-дайы твердо придерживается своей линии и, рассказывая о последней воле своего отца, любит подчеркивать дальновидность и мудрость покойного.

– Мой отец, считай, всё предвидел, – хвастался он мне в тот вечер. – Человек без образования определил для своего сына, что курить намного вреднее, чем пить водку. А если ее пить с умом, как настаивал мой отец, никакого вреда совсем нет! В наши дни многие бросили пить, ударились в религию, но все поголовно курят! И некому этим бедам объяснить, что все сегодняшние болезни от курения!

– А от водки нет болезней, да? – хотел я хоть как-то протестовать, хотя в вопросе выбора курения или распития водки я был солидарен с ним. Мы впервые пили кизилую водку, она позволяла мне иногда возражать.

– Если пить с умом, никаких болезней! Именно так советовал мой отец!

До призыва в армию выполнять наставления отца Кара-дайы удавалось отчасти: курить он не курил, но пил очень редко, и то тогда, когда бывал в гостях у друга своего отца Автандила в грузинской деревне. Кара-дайы собирался наверстать упущенное после женитьбы, но и тут ему не повезло: через шесть месяцев после женитьбы его призвали в армию, выполнение отцовских наставлений пришлось отложить еще на десять лет. По дороге в Германию, по его словам, кроме наркомовского спирта и водки, он пробовал напитки домашнего изготовления многих народов, в том числе русский самогон, украинскую горилку, белорусскую и польскую зубровку, медовуху, варенуху и, конечно же, немецкий шнапс. Из армии Кара-дайы вернулся возмужавшим мужчиной, знающим толк во всех спиртных напитках европейских стран, и, не покладая рук, взялся за выполнение наставлений отца.

В первые два года после возвращения с войны необходимым количеством вина и водки его обеспечивали сыновья грузина Автандила (сам Автандил к возвращению Кара-дайы с войны почивал в другом мире). Со временем, в силу резкого возрастания потребности Кара-дайы в их продуктах, братья-грузины решили, что будет лучше, если он сам будет регулировать процесс добычи и потребления напитков домашнего приготовления, и подарили ему новое оборудование для их получения, короче говоря, привезли ему в Зогаллы новый самогонный аппарат. Дело было в разгар лета, весь двор Кара-дайы ломился от созревших фруктов. Младший из братьев покойного Автандила в течение месяца почти каждый день приезжал к нему и научил Кара-дайы гнать домашнюю водку из фруктов. Осенью он же научил его виноделию и получению виноградной чачи. Кара-дайы оказался способным учеником, через три года он гнал водку из всех фруктов, растущих у него во дворе.

Работа самогонного аппарата Кара-дайы настолько понравилась зогаллинским мужчинам, что многие часами могли наблюдать за тонкой струей горячей жидкости, которую он выдавал. Кара-дайы на месте вознаграждал любопытных земляков, давая им пробовать полученный продукт. Большинство тут же просили его, чтобы он им тоже заказал у грузин такой аппарат, а грузины тоже молодцы, никому не отказывали.

В конце сороковых и в начале пятидесятых годов прошлого века в Зогаллы почти в каждом дворе имелся самогонный аппарат. Именно на эти годы приходится начало массового применения в быту полученных кустарным способом спиртных напитков и вина домашнего приготовления. Многие зогаллинцы тогда прошли практику во дворе Кара-дайы, изучая тонкости этого хлопотливого дела, а Кара-дайы, как первооткрыватель этого дела в Зогаллы, никому в подсказках не отказывал.

С начала пятидесятых годов прошлого века у самого Кара-дайы начался и по сей день продолжается этап активного претворения в жизнь наставлений отца. Во многом такому образу жизни Кара-дайы подталкивали долгие годы нахождения его в воюющей армии. Кара-дайы после девяти лет службы в армии и прохождения войны, вернувшись в Зогаллы, посмотрел на мир другими глазами: он первым делом поблагодарил Всевышнего за то, что тот сохранил ему жизнь в той страшной мясорубке. И после нескольких ночей мучительных раздумий (по его сегодняшнему утверждению) Кара-дайы для себя однозначно решил, что впредь жить он будет по-иному, не так, как все зогаллинцы: жить он будет весело и жизнерадостно! В первые годы после возвращения домой из армии, с одной стороны, к такой жизни его подталкивала раздельная жизнь с женой, с другой стороны, именно к такой жизни подходили наставления отца.

Будучи верным последней воле отца, Кара-дайы в первую же осень приступил к претворению ее в жизнь. Подвал дома он оборудовал, как завещал ему отец, по его прямому предназначению для хранения продуктов, вина и домашней водки разной классификации. В большой комнате с камином на первом этаже для приема гостей Кара-дайы установил длинный и массивный обеденный стол с шестью стульями, купленными в Шеки. И тут он оказался пионером: Кара-дайы стал первым зогаллинцем, купившим обеденный стол как элемент мебели в дом. В те годы в домах зогаллинцев обеденный стол не практиковался, прием пищи осуществлялся, сидя на голом полу, для приема гостей на пол застилался еще и ковер. На следующий год им был куплен еще один стол, с таким же набором стульев, но размерами уступающий первому столу, для приема гостей в теплое время года. Его он устанавливал, в зависимости от пробивания солнечных лучей, или под тутовым, или же под грушевым деревьями.

Каких только гостей не видели за прошедшие годы большая гостиная с камином на первом этаже и его зеленый и просторный двор, одному Аллаху известно. Сколько народу прошло по тропинке, ведущей от скотного сарая к этому гостеприимному дому, никому неведомо. Если бы деревья, растущие во дворе Кара-дайы, могли говорить, первым заговорило бы тутовое дерево, которое стоит впереди дома с левой стороны, возраст которого не меньше возраста самого Кара-дайы. Не отстало бы от него и грушевое дерево с кривыми ветками, вытянувшимися вверх более чем в пятнадцать метров, стоявшее на правой стороне от фасада дома. И они вдвоем рассказали бы столько интересного о гостях Кара-дайы, что непосвященный человек, услышав от них о количестве выпитого в их тени за все эти годы, потерял бы рассудок и упал бы так, будто Кара-дайы напоил его двумя литрами виноградного первача.

Тот же камин в большой комнате на первом этаже сбился бы со счета и потух бы давно, если бы, как человек, начал поименно вспоминать званых и незваных гостей своего хозяина, которых он сам всегда согревал не хуже знаменитых напитков Кара-дайы.

Но камин не потух: стоит подбросить в него сухих дровишек, моментально загорится и начнет греть гостей Кара-дайы, как грел все годы своего существования. Стоят перед домом и тутовое, и грушевое деревья, они тоже готовы принимать гостей своего хозяина, и мне почему-то кажется, что и камин, и деревья по-особому радуются, когда в доме Кара-дайы раз в год появляюсь я, его любимый внук.

Чем бы Кара-дайы в течение дня ни занимался – будь то уход за животными в скотном дворе или работа в фундуковом саду, в часы застолий с очередными гостями или во время бодрствования после них, – он ни на минуту не забывает о тех опасностях, которые рано или поздно нагрянут на головы зогаллинцев со стороны соседних мугалов¹. По словам Кара-дайы, такое плотное окружение, каковым сегодня является окружение мугалами Зогаллы, в его жизни было всего один раз: в далеком 1944 году, по его словам, отборные штурмовые отряды немцев окружили его взвод в лесу под Витебском. И, конечно же, хотели их ликвидировать. Но не на тех напорились они, вспоминает Кара-дайы с ухмылкой. Взвод под его руководством не только выбрался из окружения, перебив немцев в неравном бою, но позже, оказывается, выполнил и боевое задание, о чем сам Кара-дайы, как командир взвода, лично доложил то ли командующему армией, то ли командующему фронтом. Он сегодня это точно не помнит, потому как таких победных докладов во время войны у него было множество.

А мугалы, по его утверждению, триста лет назад как окружили Зогаллы, так по сей день продолжают окружать. Убивать не убивают, а медленно душат.

– Например, вот ты для себя определил, что впредь со мной будешь пить только кизилковую водку, – Кара-дайы разъяснял мне сложившуюся ситуацию, и было приятно, что он начал ко мне относиться как к равноценному участнику застолья. – Кизилковая водка так кизилковая! И я это принял. А с мугалами у нас неопределенность. Триста лет существует Зогаллы, столько же лет мугалы вокруг нас! За триста лет с ними не можем определиться! Душат и душат они нас! Триста лет, днем и ночью, без перерывов и выходных, они душат нас! Я даже удивляюсь, как за триста лет не задушили нас окончательно, – говорил он, при этом не объясняя, почему зогаллинцы за триста лет ни разу не пробовали выбраться из мугальского окружения, пусть даже с боями, как он сам со своим взводом выбрался из окружения немцев. – Триста лет зогаллинцы только и делали, что отбивали наступления мугалов на их самобытную жизнь, старались сохранить присущие только им традиции и обычаи. Душаешь, это легко? – спросил он у меня.

– Чтоб нашим врагам жилось так легко, – поддержал я его, и мы оба замолчали.

А мугалы тем временем жили своей жизнью и радовались ей, не собирались ни душить, ни завоевывать зогаллинцев. Триста лет они неустанно следили за чудными соседями и старались их понять, а когда не понимали вовсе, то смеялись над ними. И сегодня продолжают следить и смеяться.

Как тонкая, сгибающаяся от созревших желтых, сочных плодов ветка груши ждет малейшего шевеления ветра, чтобы сбросить с себя неподъемный груз, градом посыпать их на землю, так и соседи-мугалы ждут от зогаллинцев любого опрометчивого шага, неуверенного поступка, неудачного высказывания, чтобы позже месяцами забавляться над ними. Будто другого повода радоваться для них на земле не существует, будто они родились на этот свет, чтобы сидеть в засаде, неустанно следить за соседями и ловить их на ошибках, бурно веселиться при их обнаружении, язвительно злорадствовать над ними.

Нестыковок и противоречий в повседневном поведении зогаллинцев так много, что иногда над ними шутят даже соседи-грузины, обычно сдержанно относящиеся к недостаткам соседей. Незнакомым с бытом и нравами местных жителей гостям зогаллинцы в первые дни на самом деле кажутся нестандартными творениями природы, над некоторыми поступками которых не грех не только смеяться, но и плакать.

¹Мугалы – условное название жителей соседних деревень, литературный приём автора. Зогаллинцы и мугалы – азербайджанцы, по укладу жизни и по быту немного отличающиеся друг от друга, и на этой почве вечно имеющие друг к другу претензии. – **Ред.**

И мугалов, и грузин, и приезжих гостей, как правило, очень забавляют языковые изюминки зогаллинцев. Судите сами: до недавних пор заметной особенностью зогаллинской разговорной речи (в кое-каких семьях, между прочим, она по сей день культивируется) являлось своеобразное обращение зогаллинских женщин к своим мужьям: они никогда прилюдно своих мужей не называли мужьями или супругами в прямом смысле слова, будто боялись сглаза. Они их даже по именам называть не решались. Поколениями переданная традиция была такова, что в языке зогаллинских женщин слова «муж» или имя мужа отсутствовали. Жена зогаллинца стыдилась во всеуслышание звать мужа по имени. Вместо прямых указательных слов при упоминании мужей жены произносили неопределенные слова, типа «наш» или «сам», но чаще всего «сам». Если зогаллинская женщина в разговоре сказала: «Наш пришел домой», или «Сам приказал что-то делать», или «Сам об этом говорил», – значит, она имела в виду своего мужа. Кара-дайы в таком обращении ничего плохого не видел, наоборот, он считал, что обращение «Наш» или «Сам», применяемое женами в отношении своих мужей при посторонних, свидетельствует об особом уважении жен к своим мужьям и направлено на подчеркивание авторитетности, величия, главенства и верховенства мужа в семье. «Сам» означал самую верхнюю и последнюю инстанцию в семейной иерархии зогаллинцев, где принималось окончательное решение, выполнение которого подразумевалось беспрекословным.

Сегодня некоторые учителя родного языка и литературы зогаллинской средней школы утверждают, что исторически во всех языках мира всегда присутствовала мода на искажение слов, поскольку смысл языка – в его динамическом развитии. Подобное объяснение зогаллинских языковых «фокусов и прелестей» со стороны их интеллигенции мугалов еще больше забавляет, а грузины, чтобы не обидеть соседей, наслаждаются втихаря.

Первой женщиной, которая нарушила эту добрую зогаллинскую традицию, стала жена Кара-дайы. С первого дня нахождения в Зогаллы до самой смерти она не приняла ни разговорного зогаллинского языка, ни его так называемых тонкостей. Сохранив чистоту родного азербайджанского языка, на котором говорили все мугалы, жена Кара-дайы не захотела приспособиться к тонкостям зогаллинской разговорной речи и не стала пользоваться выражением «Сам» в отношении своего мужа. И обращалась к нему исключительно по имени – Кара, что часто приводило того в ярость, особенно если такое обращение звучало в присутствии чужих.

Буду честен, одно только произношение ею слова «Сам» в отношении своего мужа на моих глазах еще больше возвеличивало бы Кара-дайы и стало бы дополнительным подтверждением его незыблемого верховенства не только в семье, но и в роду «посохов». К сожалению, ни я, ни Кара-дайы так и не дождались того дня.

Со стороны жена Кара-дайы, благородная женщина, внешне ничем не отличалась от зогаллинских старушек своего возраста, но в отличие от них она так красиво говорила на азербайджанском языке, что ей завидовали поголовно все зогаллинцы. Многие мои земляки, которые в середине прошлого века потеряли чистоту родного языка, а потом всю жизнь тосковали по ней, общаясь с женой Кара-дайы, получали такое невероятное удовольствие, будто в жаркую летнюю пору они утоляли жажду прохладной родниковой водой. Говорила она на чистом, колоритном, фольклорном азербайджанском языке. Большинство зогаллинцев были уверены, что наш родной азербайджанский язык именно в исполнении жены Кара-дайы, благодаря тому, как она мелодично произносила слова, находит особо красивое звучание.

Но те же самые зогаллинцы в штывы принимали отказ жены Кара-дайы от употребления в быту некоторых своеобразных, присущих только зогаллинцам выражений их разговорного языка, кое-кто даже в открытую критиковал ее за подобное принципиальное невосприятие их.

– Сколько мугалку ни воспитывай, зогаллинкой она никогда не станет, – гово-

рили они, и сами того не ведая, перефразировали русскую пословицу «Сколько волка ни корми, он всё равно в лес глядит».

Кара-дайы, без сомнения, хорошо знал эту русскую пословицу, но он тоже часто жаловался на жену.

– Толку с того, что красиво говорит, – примерно так он начинал жаловаться, иногда даже кричал. Если бы только кричал, это было бы полбеды, так бывало, что он еще и ругался. А когда ругался Кара-дайы, – чистота любого языка, на котором он ругался, страдала не меньше его жены, которой эти ругательства были адресованы.

Как-то Кара-дайы жаловался мне, что так и не смог приучить жену за столько лет к зогаллинской форме обращения к нему.

– Если бы шестьдесят лет назад я в горах поймал медвежонка и занимался им, я тебя уверяю, – рассказывал он мне, драматизируя ситуацию, – через пять лет медвежонок поддался бы всем моим командам и научился бы даже честь отдавать мне по-армейски. Чего не скажешь о моей жене. Шестьдесят лет дрессирую я ее – без толку! Не поддается это племя дрессировке, и всё! Сколько раз просил ее: «Не позорь меня, обращай ко мне так, как обращаются все женщины Зогаллы к своим мужьям». Слушает, соглашается, дает слово, но не проходит и дня, как она своим противным голосом зовет меня: «Каарааа! Караа!»

Прав был Кара-дайы, тут я полностью на его стороне. Сколько раз я сам был свидетелем подобного, неподобающего зогаллинской женщине, обращения.

Как-то в очередной раз я пришел в заранее условленное время к ним в гости, но не застал Кара-дайы дома. Меня радушно встретила его жена, усадила за стол.

– Посиди, сынок, сейчас дедушка придет. В сад фундуковый вышел, сказал, чтобы ты подождал его, – сама побежала на кухню, как могла бежать бабушка в ее возрасте.

Я сидел и ждал, никуда не спешил и никуда не торопился. А жена Кара-дайы тем временем поднесла мне чай, сама пошла дальше заниматься на кухне. Каждые две минуты она выглядывала оттуда, смотрела в мою сторону и приговаривала:

– Нет его еще, да? Ну куда же он запропастился? Знает ведь, что ты придешь, – и уходила обратно в кухню.

В следующий раз она спросила с еще большим недоумением:

– Не пришел еще?

Я головой указал на пустующее место Кара-дайы и виновато улыбнулся.

– В туалет, что ли, старый, провалился? Доски там гнилые, – вслух произнесла она, спокойно указала на одну из возможных причин отсутствия Кара-дайы за столом.

А Кара-дайы всё еще не было. Минут через двадцать жена Кара-дайы буквально вылетела из кухни, снова не увидев мужа за столом, пошла в другой конец веранды, вытирая руки о фартук. Открыла она окно веранды, высунула голову из него, повернула ее в сторону фундукового сада и стала звать мужа мощным, тяжелым голосом, похожим на голос бывшей оперной певицы – драматическим женским сопрано. Голосом, который Кара-дайы коротко характеризует как «противный».

– Карааа, Карааа! – кричала она, и все соседи, находящиеся в радиусе не менее одного километра, узнали, что в доме Кара-дайы очередной гость, а самого хозяина дома нет.

Кара-дайы будто ждал, когда жена позовет его: послышался скрип петель открывающейся деревянной калитки со стороны фундукового сада, и он вошел во двор. Не спеша закрыв калитку, ответил жене:

– Нет Кары! Умер твой Кара! Хватит позорить да, сколько можно?

Жена Кара-дайы довольно улыбнулась, повернулась в мою сторону и сказала:

– Идет, – ушла в кухню, будто ничего и не случилось.

Тем временем Кара-дайы, сознав, что поспешил с заявлением о собственной смерти, начал бурчать:

– Кара, Кара! Захримар Кара, гор Кара! Не хочешь по-человечески звать, зови хоть без имени! А то – Кара, Кара! Вся деревня на старости лет смеется надо мной!

Я уже начинал было думать, что предзастольное напряжение передастся и самому застолью, но быстро успокоился. Я хорошо знал, что для жены Кара-дайы и для него самого пререкаться по несколько раз в день так же занимательно и обязательно, как для врача помыть руки перед каждым приемом очередного больного. К тому же пить мы собирались кизилловую водку.

Я поднялся и стал ждать, когда появится Кара-дайы, чтобы пойти к нему на встречу. Но он свернул влево, показав мне рукой, чтобы я подождал его за столом, а сам направился к рукомойнику и, как хирург перед операцией, стал тщательно мыть руки. Минут через пять, несколько раз осмотрев помытые руки и убедившись, что они чистые, оставшись довольным, прекратил водные процедуры и стал вытираться полотенцем, висевшим рядом с рукомойником. Я следил за ним стоя.

– А потом говорят, что Кара-дайы не любит мугалов, – издали начал он. – За что их любить? За что я должен любить свою жену? – рукой указал в сторону кухни. Я уже был рядом с ним, и мы поздоровались. – Не поможет, поздно уже, – вынес он окончательный вердикт, и мы сели за стол.

Пиршеством в доме Кара-дайы, вершиной всех его приемов являлось и сегодня является застолье для избранных, для самых почитаемых им гостей, к числу которых Кара-дайы относил и относит меня.

И вправду любил и любит меня мой дедушка! Блажен тот день, когда за обильно накрытым столом сидим только мы – я и он, мой любимый дедушка Кара-дайы. При этом на стол женой Кара-дайы, которая любит меня не меньше своего мужа, подносится столько еды, что ею хватило бы накормить взвод молодых десантников. Накрывает она на стол, поговорит со мной минуты две-три и уходит. И появляется она потом незаметно, чтобы поднести другую горячую еду или же забрать на подогрев остывшую, пока мы с Кара-дайы продолжаем общаться. Не хватает только водки, которой у него всегда самый большой выбор в деревне. Его подвал тем и славится, что там всегда в достатке виноградная водка, тутовка, сливовка и алычовка. В Зогаллы сегодня даже непьющие муллы, которые когда-то были пьющими, в частных беседах между собой признаются, что домашняя водка производства Кара-дайы – лучшая в деревне, что у него нет конкурентов.

Но застолье в доме Кара-дайы только тогда считается пиршеством, когда на стол он преподносит лучший из своих напитков, который, в подвале, к сожалению, у него в ограниченном количестве.

Сидел я как-то в очередной свой приезд у него дома в ожидании этого живительного напитка и считал минуты, когда Кара-дайы поднимется, спустится в подвал и принесет кизилловую водку. Ведь именно кизилловая водка привнесла в нашу дружбу новую струю, и я, как в первые годы нашего знакомства, как только появлялся в Зогаллы, стал спешить к нему в гости.

Сидел я, как всегда, за богато накрытым столом, из зогаллинских яств на нем не хватало только кизилловой водки. Если в былые годы я сидел и гадал, какую именно водку по своему усмотрению выберет Кара-дайы, сегодня я был спокоен. Спокоен потому, что я уже прошел у него пятнадцатилетний испытательный срок с его термоядерными напитками, пусть сейчас ими он других своих гостей угощает. Я со своим пятнадцатилетним терпением заслужил королеву напитков его подвала – кизилловую водку!

А Кара-дайы, как всегда, сидел, уставившись в какую-то точку на стене, и ни-

куда не торопился. Я тоже молчал, горячая еда на столе начинала остывать, но Кара-дайы не спешил.

Если бы спросили у меня, что самое отвратительное в характере Кара-дайы, я тут же, не моргнув глазом, а если бы понадобилось, даже под присягой, ответил бы: самым отвратительным в характере Кара-дайы есть его преднамеренное задержание подноса спиртного из подвала на стол! Как можно посадить человека за стол и заставлять его ждать? Есть нельзя начинать, а пить тем более нечего! Мучение и только! Был бы я более смелым, спросил бы у него: «Может, я голодный пришел к вам, уважаемый дедушка? Может, я есть хочу? Вы думали об этом?» Нет, конечно, он об этом не думал! Он как хозяин сам установил и правила приема гостей в собственном доме, и последовательность сервировки стола! И всё! Продукт его собственного изготовления по традиции появляется на столе последним, с некоторым опозданием. Такова его воля, а ты сидишь и пускаешь слюни.

Обнадеживало только одно, это я точно знал: проблем с кизиловой водкой не должно быть. О том, что я собирался с ним пить только кизилковую водку, Кара-дайы знал еще со вчерашнего дня, когда мы с ним говорили по телефону.

– Завтра в обед хочу вас проведать, – сказал я ему. – Соскучился по вам, – добавил для приличия. – Очень хочется выпить с вами кизиловой водки, – при этом, не стесняясь, обозначил, какую водку мы должны пить завтра.

Достаточно того, что в течение пятнадцати лет нашего с ним знакомства он лишал меня этого изумительного напитка. Как начинаешь вспоминать, зла не хватает.

– Соскучился он, – как и ожидалось, посмеялся Кара-дайы в трубку. – По кизиловой водке ты соскучился, а не по Кара-дайы! – продолжал смеяться.

– Почему вы так думаете? – артистично и обиженным голосом спросил я.

– Потому! – коротко ответил Кара-дайы. – Приходи уж. Будет тебе кизиловая водка! Я сам соскучился, – и положил трубку.

Для себя я решил, что Кара-дайы на самом деле соскучился по мне, по своему внучатому племяннику, которого не видел около года.

Так вот, в ожидании холодной кизиловой водки и от запаха блюд, находящихся на столе, мой желудочный сок начинал выделяться в таких количествах, что подопытные собаки Павлова завидовали бы мне.

Наконец-то Кара-дайы недовольно поднялся, взял с полки пустую пол-литровую бутылку из-под гахской минеральной воды и направился в подвал. Минут пять уйдет на его возвращение.

Пока Кара-дайы в подвале, я расскажу вам о кизиловой водке, о напитке зогаллинских гурманов, столь любимом мной. Хотите раскрыть душу, поплакать в жилетку, ищите сочувствия, поддержки у друга – так возьмите на двоих граммов двести пятьдесят – триста кизиловой водки, больше не стоит пить – и устраивайтесь где-нибудь так, чтобы вам никто не мешал. Только не стоит пить кизилковую водку, как обычную водку из стопок по сто граммов, не стоит! Мало, что вы обесцените этот драгоценный напиток, в итоге еще сотрете себе память, как неумелый мастер стирает память компьютеру. Мой вам совет: располагайтесь в уютной обстановке, пейте кизилковую водку из маленьких стопок по двадцать – тридцать граммов и раскройте друг другу свои секреты. Как рукой снимет усталость, недомогание души, разбитость сердца, уйдет бессилие, исчезнет утомленность – поверьте, практикой проверено! А сон у вас будет, как у здорового младенца, утром, проснувшись, будете радоваться солнечным лучам, пробивающимся в комнату сквозь щели между шторами. Когда будете открывать утром глаза после вечернего приема кизиловой водки, неизменно будете радоваться жизни, будете чувствовать себя счастливым! Не ищите причину,

вы ее не найдете, ее никто не знает...

Не каждый зогаллинец, скажу я вам, любит возиться с кизилом.

– Возни много, а результата мало, – говорят большинство зогаллинцев и не связываются с кизилом.

– После двухсот граммов кизиловой водки даже мертвые заговорят, – признаются при этом зогаллинцы в шутку и тут же добавляют, – но будет лучше, если они промолчат!

А Кара-дайы связывается с кизилом, поэтому он и мастер, поэтому и кизиловая водка – его любимый напиток, с кизиловой водкой он – источник философских изречений. В силу ограниченного количества Кара дайы пьет ее только с избранными, в последние годы чаще всего со мной. Знает ведь старик, что я тоже к кизиловой водке отношусь с любовью.

Получение водки из кизила – трепетная, долгая работа, требующая от мастера, кроме всего прочего, большого терпения. Для производства одного литра кизиловой водки требуется не меньше тридцати килограммов спелых плодов кизила, потому и ругал каждый раз меня Кара-дайы, когда из подвала приносил кизиловую водку.

– Зачем она на старости лет мне нужна? – спрашивал он сам у себя. – Вот скажи: зачем? На три литра продукта у меня уходит чуть ли не сто килограммов кизила. А мороки сколько. Потруси куст, собери, принеси домой, дай созревать плодам в темноте. Как созреет, мякоть отдели от косточек. Будь она проклята! Сто килограммов кизила, каждую ягоду по одной надо отделять от косточки! Ты себе представляешь, что это такое! Правильно бурчит, между прочим, наша жена, когда два дня сидит и удаляет косточки!

– Так это жена ваша отделяет ягоды от косточек? – удивился я.

– Нет, Пушкин! – грубо ответил Кара-дайы. – Конечно, жена, а кто же еще!– Кара-дайы так уверенно вменил в обязанность жены удаление косточек из мякоти кизила, будто об этом он с ней договорился еще тогда, когда ее умыкал. – Иногда и дети помогают, – негромким голосом добавил он, как бы снижая нагрузку на жену.

Я в первый раз слышал об участии жены Кара-дайы в деле получения кизиловой водки, меня охватила определенная неловкость, а Кара-дайы только это и надо, он моментально уловил смену настроения у меня.

– «Кара-дайы, я так соскучился по вам, завтра хочу проведать вас. Очень хочется выпить с вами кизиловой водки», – повторял он мои вчерашние слова, когда я с ним по телефону говорил. – Сейчас понял, как тяжело достается твоя кизиловая водка?

– Понял, – согласился я. – Больше не изготавливайте, если специально для меня. Я не знал, что так тяжело достается. И бабушку зря мучаете...

– Давай уж, мне виднее, кого как мучаю, – недовольно ответил Кара-дайы и сел за стол. – Собрал сто килограммов кизила, продал по три маната за кило и положил деньги в карман! И делу конец. А я, оказывается, кого-то еще мучаю. Раз так, приезжай в следующем году в сезон, когда кизил созревает, сам собирай, сам отделяй от косточек и передавай мне. Больше ничего от тебя не хочу, дальше я сам. И с кизиловкой будем, и никого мучить не будем.

– Постараюсь, – пробурчал я, заранее зная, что не приеду в сезон.

Еще несколько слов о кизиловке: по словам Кара-дайы, будь у него возможность, он бы никогда не гнал водку из кизила садовых сортов, растущих у него в саду, а поднялся бы в горы и собрал бы там мелкий дикорастущий кизил, намного превосходящий по аромату садовый. А подняться на гору на сбор дикорастущего кизила, оказывается, сегодня ему не позволяют: во-первых, возраст, а во-вторых, он опасается встречи там с медведем, который хоть и не гонит водку из кизила, но тоже очень любит лакомиться им.

– Вот приезжай в следующем году в сезон, я тебе объясню, где кизила много

на горе, поднимись и собирай дикорастущий кизил. Потом увидишь, какую водку Кара-дайы получит из дикорастущего кизила. Не водка, а лекарство!

– А медведь? – пошутил я.

– Что медведь? – удивился Кара-дайы. – Поднимешься с друзьями, заодно и отдохнете. Появится если медведь, покричите, он уйдет! Летом у него еды много, людей не трогает!

Кстати, пока он еще не поднялся из подвала, расскажу вам об одной бредовой идее, которая пришла в мою голову два года назад после обильного угощения кизилкой Кара-дайы. Говорю «обильного», потому что мы тогда выпили с ним на двоих пол-литра кизилки, а это много, даже для таких хорошо натренированных в этом деле, как мы с Кара-дайы.

Это Кара-дайы у нас философ с кизилкой, а я и до, и после нее остаюсь юристом. Так вот, тогда после обильного приема кизилки мне в голову пришла шальная мысль: а не предложить ли нашим правоохранительным органам в своей практике дознания использовать волшебную силу кизилки, не прибегая к физическим средствам воздействия на подозреваемых? Например, можно было бы посадить самого несговорчивого подозреваемого в совершении преступления за стол с тем же Кара-дайы (расходы надо будет отнести за счет государства, Кара-дайы на себя не возьмет, у него мало этого продукта в подвале, я знаю) с кизилкой на два-три часа. Я уверен, у Кара-дайы с кизилкой самый молчаливый преступник, который не собирался сотрудничать со следствием, через час-полтора выложит то, чего не мог добиться от него весь личный состав управления полиции.

Естественно, возникнет вопрос: а если подозреваемый верующий и непьющий? Возможно, что будут возражения со стороны управления мусульман к такой форме допроса. Естественно, они будут против спаивания своих подданных. Но и тут ответ у меня прост: если ты верующий, бойся Всевышнего, не нарушай закона! Пусть все непьющие и верующие знают: в случае нарушения закона признательные показания они будут давать с применением кизилки, как бы это ни противоречило их религиозным убеждениям и закону.

Многие подозреваемые, я думаю, с удовольствием пошли бы на признательные показания через кизилку.

Кажется, я отвлекся, но разве можно не отвлекаться, когда пишешь об этом живительном напитке.

Всё, вроде началось застолье, Кара-дайы поднялся из подвала и тут же начал наливать живительный напиток в стопки. Кстати, традиция употребления кизилки в отличие от водки состоит в том, что она не требует охлаждения, достаточно температуры прохладного подвала, где она хранилась. Первым делом Кара-дайы поздравил меня с прибытием в родную деревню и с тем, что я не забываю его. Мы выпили первые стопки, во рту я ощутил мягкость этого бесцветного напитка. Вкус напитка давал ощущение вкуса свежих фруктов, аромат напоминал букет дорогих духов. На стенках маленькой стопки появились маслянистые разводы, первые же двадцать граммов кизилки придали моему телу умиротворенность.

Дальше стал разливать я, бутылку из-под гахской минеральной воды Кара-дайы двинул на мою сторону стола. «Что интересного сегодня расскажет Кара-дайы?» – подумал я. В ожидании его рассказа разлил по второй.

– Помнишь, в прошлом году я рассказывал тебе, как мужчина должен определить, кто у него жена, из каких она кровей? Сейчас всё настолько смешалось, простому человеку тяжело определить, с кем он живет, с кем имеет дело, – тихо начал Кара-дайы, посмотрел на меня в ожидании моей реакции.

Неужели Кара-дайы опять вспомнил свою так называемую доктрину о мугал-

ках? Доктрину о том, как рядовому азербайджанцу определить: мугалка попалась ему в жены или нет?

Зацикленность Кара-дайы в вопросе с мугалами временами надоедала даже мне, столько лет знающему его. Но Кара-дайы в своих взглядах по отношению к мугалам непреклонен, во всех невзгодах жизни виноватыми он считал именно их, поэтому с особым пристрастием призывал не только сегодняшнюю зогаллинскую молодежь, но и всю мужскую часть молодежи нашей республики быть осмотрительными при выборе жены и не повторять его собственной ошибки.

– В том-то и состоит мудрость старожиллов, чтобы напутствовать молодежь на верный выбор и чтобы они не повторили ошибок отцов и дедов, – продолжил он, и я догадался: прием кизиловки будет посвящен тонкостям его «учения».

– В наше время была ясность в этом вопросе! Мы жили у себя, в Зогаллы, они у себя, в своих мугальских деревнях. Даже грузины знали, что в Зогаллы живут зогаллинцы, а в мугальских деревнях – мугалы. И никаких смещений! Не зря оказывается, наши аксакалы советовали не брать в жены их девушек. Не только советовали, но и запрещали! Видимо, что-то они знали.

– Но кто-то нарушил этот запрет, – пошутил я, Кара-дайы согласился со мной.

– Да, я первым нарушил этот запрет, да, я первый из зогаллинцев взял в жены мугалку! Признаюсь, виноват! Но никто из зогаллинцев не хотел тогда выдавать за меня свою дочь. А что мне оставалось делать? Женился шестьдесят лет назад и мучаюсь столько же лет. Не живу, а мучаюсь!

– Хорошая у вас жена, Кара-дайы, добрая, гостеприимная! Хозяйка от бога! От чего вы мучаетесь, не пойму! – посмеялся я. – Как по мне, она лучше многих зогаллинских женщин!

– И ты тоже туда, да? Раз в год появляешься в моем доме, конечно, для тебя она добрая и гостеприимная! Ты обо мне думал? Хорошо, ответь мне на вопрос, раз на то пошло: можно ли подкладывать под курицу вареные яйца?

Я начал улыбаться и не знал, к чему он клонил.

– Конечно, можно, – ответил я утвердительно, продолжая улыбаться. – Но цыплята в этом случае не вылупятся, – продемонстрировал знание предмета.

– Вот именно! – согласился Кара-дайы. – Подкладывать можно, можно обмануть курицу, она посидит над ними положенный срок, но цыплят не получишь. В итоге получится, что ты не курицу обманул, а самого себя! Так же выглядит жизнь с мугалкой: вроде живешь, а на самом деле сам себя обманываешь, живя без любви. Понятно?

Вот оно, оказывается, к чему он. Но, я был уверенным, так быстро не хотел сдаваться:

– У вас же дети есть, Кара-дайы, значит, яйца были не вареными...

– Не все яйца, значит, были вареными, – тут же подправил он меня и ехидно улыбнулся старый, – и я знаю, какие именно яйца были не вареными.

Даже не покраснел, что ему скажете? Вот такой он у меня, мой Кара-дайы с кизиловкой, бесстыжий старик. А он тем временем закусил и спокойно продолжил:

– Впрочем, что я собираюсь тебе доказывать, у тебя самого жена мугалка!

– Так получилось, – оправдывался я, но под воздействием кизиловки мне стало нравиться направление его беседы. Тем более, я когда-то дал себе слово подробно написать о его «учении». К тому же Кара-дайы с кизиловкой был мягок и добр, не грубил, почти не ругался и со мной был учтив. Может, на самом деле что поучительного он расскажет.

– В мое время всё было легко. Наши отцы и деды нам оставили хорошее наследие. Это я оказался ослом! Осел всегда самоуверен и глуп, ты должен знать это и запомнить, даже если ты у нас ученый!

– Запомню, – согласился я.

– Так вот, я признаюсь, именно таким ослом я и был! Но современному молодому человеку очень тяжело определить, на ком он женится. Всё смешалось! Всё! Куда идет этот мир, никто не знает! Скоро вокруг всё будет мугальское, зогаллинского ничего не останется!

– Ну и ну, – не сдержался я и опять начал смеяться, – что именно молодежи тяжело определить?

– Именно это я и хочу тебе объяснить, а ты пьешь мою кизилковую водку и еще смеешься надо мной! Вот такой ты у меня внук, обученный в Русете, – ответил Кара-дайы, и мне стало понятно, что он обижается оттого, что я так поверхностно отношусь к его «учению». – Многие хорошие парни в наше время женятся и при этом не знают, кто у него жена, из каких кровей она происходит? Понимаешь?

– Кара-дайы, мы-то с вами точно знаем, из каких кровей происходят наши жены, – отшутился я, встал, обошел стол и обнял его (вот как действовала кизилковка). Он моментально смягчился и согласился со мной:

– Речь не о нас с тобой. Я в целом говорю, образно. Вот, скажем, женится молодой человек на красивой девушке. Он ее любит, она его, вроде бы, тоже любит, то есть женятся, как сейчас тамады любят подчеркивать на свадьбах, по любви. Тамадам положено быть красноречивыми, раз им нравится, пусть подчеркивают, нам-то что, по любви так по любви, мы тоже не против.

– А вы верите в любовь, Кара-дайы? – неожиданно для себя спросил я у него.

Никогда между нами за столько лет общения такого рода вопросы не возникали. Должен заметить, что Кара-дайы ни разу в разговорах со мной не хвастался своими любовными похождениями во время войны, соблюдая родственную иерархический занавес между старшим и младшим поколением, сложившийся в Зогаллы. Тем неожиданнее, как мне показалось, выдался для него мой вопрос, и он задумался.

– Есть большая любовь, есть влюбленность, – пропустив очередную стопку с кизилковкой, Кара-дайы начал объяснять мне. – Влюбленность, это как молния, пробила, прошибла, ты достиг своего, и она отпустила, и отступила. А большая любовь – это на всю жизнь.

– Много раз влюблялись в жизни, Кара-дайы? – спросил я, украдкой смотря на него.

Он опять задумался, нахмурил брови, закрыл глаза, будто даже что-то прошептал и считал. Потом он потянулся к бутылке с кизилковкой, стоявшей на столе ближе с моей стороны, налил и себе, и мне, выпили мы без тоста. Чуток закусили.

Судя по тому, как энергично и быстро двигались его губы, окончательное количество влюбленности в своей жизни Кара-дайы выводил не путем сложения, а путем умножения.

Кстати, пока Кара-дайы считал в уме, сколько раз он влюблялся в жизни, поделюсь я с вами приятным наблюдением.

Если уж вы сели за стол, а на столе кизилковая водка, советую пить ее небольшими дозами, грамм по двадцать пять, тридцать, если даже повторяюсь, послушайте меня до конца. Пить по сто граммов традиционно подходит к обычной водке, где градус алкоголя равняется сорока. Выпив кизилковую водку, никогда не спешите с закусыванием, как бы ни горело внутри, как бы сильно ни хотелось моментально притушить этот огонь. Держитесь хотя бы десять-пятнадцать секунд, только после этого потянитесь не к еде, а к соленьям. Еда подождет, есть начинайте минуты через три-четыре. Пока берите что-то из солений, пусть это будет соленый огурец или же маринованный зеленый помидор, можно даже взять квашеную капусту. Классический хруст соленого огурца, час назад доставленного из рассола с жесткой водой, является музыкальным сопровождением при распитии кизилковой водки. Изумительно непередаваемый вкус появится у вас во рту, приятное тепло передастся по всему телу, будто вы после холодного дождя, весь промокший, вошли в теплое помещение и сели перед

горячим камином. Но я опять отвлекся, хотя призадержал себя с закуской не двадцать секунд, а чуть ли не целую минуту. Надо растягивать удовольствие.

Тем временем Кара-дайы ответил на мой вопрос.

– А ты как думал? Пройдись-ка ты пешком от финской границы до Дрездена. Через Украину, Польшу, а потом в Германии год службы после войны. Всякое бывало. А как же, молодой был. Война войной, а жизнь-то шла. Много было случаев, – не удержавшись, в конце пусть и неопределенно, но похвастался Кара-дайы.

Тут же, по непонятным мне причинам, темное лицо Кара-дайы сперва приобрело строгое выражение, чуть позже по нему пробежала довольная улыбка. Я понял, что это улыбка мужчины, который прожил долгую жизнь, который только что предварительно листал картотеку прожитых лет и остался довольным полученными данными.

– А в вашей жизни была большая любовь? – я решился сегодня пойти до конца.

Какой же все-таки романтический напиток кизиловая водка! Разве мог бы я после тутовки решиться на такой вопрос? Тутовка возбуждала Кара-дайы, тутовка придавала его действиям физическую агрессию, не совместимую с его возрастом. Я часто думал, как бы себя повел Кара-дайы, если после принятия пол-литра тутовки на двоих дать ему в руки боевой автомат? Первым делом, наверное, как бравый разведчик он ушел бы в фундуковый сад, затерялся бы в кустах, переоделся бы в камуфляжную одежду, а далее, оттуда, не раздумывая, двинулся бы в направлении Дрездена! А как же, а вы как думали? Такая вот сила у его тутовки, и такой вот у меня Кара-дайы!

Но мы пили кизилую водку, напиток, который располагал не к агрессии, а к любви, напиток, который еще сильнее роднил нас, стирал возрастные и родственные границы при общении.

– Поверь, – раскрылся мне Кара-дайы, – в жизни любого человека бывает всего одна большая любовь!

Это же классика! Человек, никогда не читавший ни одной книги, дословно повторял классиков, которые повсюду и повсеместно утверждали, что большая любовь – она одна, она дается сверху. Ею надо дорожить!

Меня охватило невиданное любопытство.

– И кто же была вашей единственной большой любовью? – не отступал я.

И тут Кара-дайы неожиданно для меня и для всех классиков, когда-то написавших о любви, нанес болезненный удар по базовым понятиям любви. Он тихо произнес:

– Полячки...

Я чуть не упал со стула от смеха, не ожидая услышать такой ответ.

Мой безудержный и громогласный хохот гремел на всю комнату, находящаяся на кухне жена Кара-дайы, услышав мой смех, пришла к нам узнать причину моего столь веселого поведения.

Лицо Кара-дайы, и так выделяющееся среди остальных темно-шоколадной смуглостью, моментально потемнело. Осознав неловкость своего положения, я начал смотреть в его глаза в надежде на прощение. Поначалу мне казалось, что нет никакой опасности, его взгляд ласков, но постепенно в нем начало вырисовываться что-то затаенное и опасное, которое видится в глазах ласкающегося хищника.

Задето было мужское достоинство Кара-дайы, моим неоправданным смехом было ущемлено его самолюбие. Я готовился держать удар.

Первым делом Кара-дайы жестом правой руки выпроводил свою жену из комнаты. Она молча покинула нас, тихо закрыв за собой дверь гостиной. Острый и пронзительный взгляд Кара-дайы начинал приобретать хищную суровость и искриться молниями. Я готовился к растерзанию, с его стороны, как минимум, ожидал неимоверную словесную порку.

Как же плохо, оказывается, я знал влияние кизиловой водки, как же она умела

утихомирить хищника! Кара-дайы с кизиловой водкой, как негаснувший огонь, у которого удобно греть руки. С кизиловой водкой творческие озарения у него вспыхивали одно за другим – как молнии в грозу.

Посмотрев с полминуты на меня, Кара-дайы поменял гнев на милость, улыбнулся и тихим мягким голосом спросил:

– Успокоился?

– Извините, Кара-дайы, – произнес я.

– Наливай тогда. Я думал, ты взрослый мужчина, можно с тобой откровенничать. Каким ребенком выехал из Зогаллы, таким и остался.

Потом я еще долго и несколько раз просил у него прощения, списав свой смех на особое воздействие кизиловой водки, которую я с ним пил.

– Может, от кизилочки так развеселило? – спросил я у него.

– Всё может быть! – ответил он. – Значит, тебе нельзя пить кизилочку! Не умеешь себя вести.

Второй раз за обед я встал, обошел стол, обнял его.

– Вы же знаете, Кара-дайы, как я вас люблю. Непроизвольно получилось, извините, – объяснился я ему. – Даже предположить не мог. Столько лет прошло, а вы не можете забыть их – своих полячек.

– Их забудешь, – к Кара-дайы вернулось прежнее настроение, он начал загадочно ухмыляться. – На чем остановились? – спросил он.

– На полячках и остановились, – ответил я и начал опять громко смеяться. На этот раз он не обиделся, смеялся вместе со мной.

– Поздно уже на них останавливаться! Поздно! Не хотел я возвращаться домой после войны. А пришлось, твой покойный дедушка как наехал на меня! Шестьдесят лет скоро, как вернулся, живу и не знаю, с какой стороны солнце восходит. Что сейчас говорить, наливай.

Я наконец-то успокоился и налил кизилочку в надежде на то, что, может, она немножко успокоит и Кара-дайы.

– Многие хорошие парни в наше время женятся и при этом не знают, кто у него жена, из каких кровей она происходит, – слово в слово Кара-дайы повторил последнее свое изречение. – Почему? А потому, что любовь слепа. Жениху в голову не приходит мысль поинтересоваться, какие корни у его будущей жены, кем были ее дедушки, бабушки. Это ему вроде и не надо, он ее любит, она его любит. В первое время действительно живут душа в душу, воркуют, как голуби весной на крыше моего дома. Он только откроет рот что-то просить – она: «Пожалуйста, милый, ты это хотел?» Он только что попросит, она моментально выполняет. Без обсуждений, без лишних вопросов. Он только скажет, например: «Дорогая, чаю хочу», – на что она сразу: «С каким вареньем, милый? Вишневым, инжировым, может, с абрикосовым?» Вот так живут в первое время. Только потом, лет через пять, становится ясно, что все эти варенья, джемы и бекмезы с ее стороны были дымовой завесой, отвлекающими маневрами.

– Какими-то военными терминами говорите, Кара-дайы! Неужели всё так серьезно? – перебил я его.

Кара-дайы приостановил свой рассказ, не предлагая мне, сам выпил очередную стопку кизилочки и даже не закусил, тем самым показал мне, что серьезнее не бывает:

– Как ты думаешь, неужели от хорошей жизни я всё это рассказываю, объясняю тебе? Будь она проклята, больше шестидесяти лет живу с ней, – Кара-дайы смотрел в сторону кухни, хотя и без этого было понятно, кого он имел в виду. – Шестьдесят лет послевоенного ежедневного общения с мугалкой! А всего семьдесят! Думаешь, легко? Ан-нас-сыны всех, кто только так думает! Потому и рассказываю, – хочу, чтобы молодежь не повторила моих ошибок.

– Тогда понятно, – быстро согласился я и вернул рассказ Кара-дайы в старое русло: – А дальше как?

– Как дальше? Дальше она рождает ему первого ребенка, через год еще одного.

– Ему?

– Нет, тебе! – отрезал Кара-дайы. – Конечно, ему, кому еще?

– Дети-то общие, Кара-дайы, – посмеялся я.

– Ты слушай и не умничай! Общие! Конечно, общие, не общественные же. Но я о другом. Так вот, потом, возможно, и третьего она ему рождает. Сколько получается?

– Три и получается.

– Вот молодец! Значит, троих детей уже имеем. А если постараться, можем и четвертого настругать, да?

– Не многовато будет – за пять лет четверых? Почти как у вашего соседа Сулеймана, – на этот раз еле удержал себя от смеха, но надо было держаться, чувствовал, скоро наступит кульминация.

– Три так три. Значит, через пять лет в доме трое детей. Мал мала меньше. Дети бегают себе – туда-сюда, туда-сюда. Детям всё хорошо, они ничего не понимают. Но их молодой отец начинает чувствовать: что-то меняется у него в доме, а что именно, пока не понимает или делает вид, что не понимает. Его просьбы к жене через пять лет выполняются не так оперативно, как раньше. «Дорогая, чаю хочу», – как-то просит он в очередной раз, не догадываясь, что времена-то уже изменились. И точно! В ответ он слышит ее недовольный и якобы уставший голос: «Видишь, я занята с ребенком. Вставай, сам наливавай!» Он встает и наливает себе чай. Что ему еще остается.

– Тоже мне работа, наливать себе чай, – удивился я.

– Ты не спеши, – как ни странно, тихим голосом ответил Кара-дайы. – Не спеши! Но это еще не финал! Финал наступает тогда, когда она говорит ему: «Вставай, дорогой, наливавай себе, заодно и мне!» Это уже финал! Тут бы ему стать в позу, отказать от чая! Не хочу чаю, и всё! Еще есть, пусть даже малейшие и призрачные, шансы спасти себя. А он не догадывается, он сегодня такой же осел, как я в свое время, – встает и наливает и себе, и жене чай. А жена только этого и ждет, и постепенно прибирает дела в свои руки. А в один прекрасный день начинает диктовать! А когда она начинает диктовать и требовать, он, конечно, в первое время пытается еще как-то сопротивляться, вернуться к старому. А у него уже не получается. Поздно уже! Почему поздно? – смотрел на меня Кара-дайы.

– Почему поздно? – спросил я у него.

– А потому, что жена у него сидит уже где? – посмотрел на меня вопросительно.

– Где? – спросил я у него.

Он ударил ладонью себя по шее и сказал:

– Вот здесь, на шее! И сидит она там крепко. Так крепко, что не скинешь. Сидит, заплетя ноги у него на груди и взяв его за уши. Чем он не парнокопытный после этого, а?

– Ну да, – как бы согласился я, – действительно.

– И только тогда он начинает понимать, что оседлан, как ишак. Сбрасывать ее с шеи и начинать всё заново уже поздно. Во-первых, она так крепко сидит там, что даже краном не сорвешь. А во-вторых, если даже сорвешь ее, что будет с детьми? Ты видишь, как она хитро всё устроила? – в ожидании ответа посмотрел на меня Кара-дайы. Я молчал, не зная, что ему сказать. А он продолжил:

– Сперва детей она нарожала ему, связала его ими по рукам и ногам, и только потом прыг, и на шею! И всё, и на всю жизнь! Ему уже поздно изучать ее родословную. Хоть сто раз изучай. И так понятно, что в жены ему попалась настоящая мугалка! Вот такие вот дела, дорогой мой. Главное в этом деле что?

– Что?

– Главное в этом деле – не поддаваться и не сдаваться! Тогда ничего у них не получится. Со стороны может показаться, мол, что тут такого? Взял и налил себе чаю. Оказывается, не так! Малейшее перераспределение семейных обязанностей может привести к непоправимым последствиям.

– Даже так?

– А ты как думал? Я привел в пример отдельно взятую семью. Представляешь, в масштабах республики к чему оно приведет?

– Даже не представляю, – честно признался я.

– Конечно, не представляешь! Ты, видать, давно сам себе наливаешь чай.

– Бывает, – кивнул я.

– Бывает. Еще и соглашаешься, – укорил меня Кара-дайы. – Хотя что тут удивляться? Не далек тот день, когда повсюду, по всему Азербайджану будет так. За Россию не скажу, не знаю, как сейчас у них. Они сейчас, наверно, только водку и пьют, раньше они пили чай. Но у нас будет так: мугалки будут сидеть, а мужья их подносить им чаю! Потом еще и еду подадут! Вот к чему придем, понятно?

Я задумался: понятно-то понятно, только вот ничего не понятно! Как по мне, методика определения происхождения жены, предложенная Кара-дайы, мало того, что ничего общего с социологической наукой не имеет, так она и несовершенная. Определил, скажем, молодой человек через пять лет, что в жены ему попала мугалка, что дальше? Где выход? Кара-дайы как автор методики об этом ничего не говорил. Именно это я и спросил у него:

– Как поступить рядовому азербайджанцу после того, как он узнал, что у него жена из мугальских кровей? – и посмотрел ему в глаза.

– А никак! Чем ты слушаешь меня? Я же говорю, уже поздно что-то делать! Это уже на всю жизнь, понятно? Дальше уже терпеть, как я терплю!

– Ну, Кара-дайы, не вижу я тогда смысла, зачем молодому человеку понадобится узнать, кто у него жена? Зачем? Пусть живут они себе. Неужели в семье так важно, кто кому наливает чай? Если на то пошло, ваша жена всю жизнь наливает вам чай, но от этого она не перестала быть мугалкой. Согласны?

– Тут ты прав, – согласился Кара-дайы со мной. – Но человек всё равно должен знать, с кем он живет. Понимаешь?

– Да, понимаю, – ответил я, стало заметно, что последним вопросом я определенно загнал в угол Кара-дайы. Он сам начинал понимать недостатки своего «ученья». – Если бы вы могли дать рекомендацию, как до женитьбы определить происхождение будущей жены, тогда вы были бы в почете. А так, извините, Кара-дайы, несовершенна ваша наука, – стал я смеяться.

– Пусть другие дают такие рекомендации! С меня хватит! Один я на всю республику думаю, что будет с молодежью нашей! Будто мне больше всех надо! Наливай! – вроде успокоился Кара-дайы и убедился, что на сегодняшнем научном совете ему не удастся утвердить свою методику.

Наливать было уже нечего. Бутылка была пуста, Кара-дайы был не злой, я, не согласный с ним и разнесший его доктрину в пух и прах, был в приподнятом настроении. Наконец-то мое взяло верх, в душе радовался я и на правах победителя предложил:

– Давайте лучше чаю попьем, Кара-дайы! Кизилую водку всю выпили! Не будете же лишний раз в подвал ходить. Халву я вам из Украины привез, хорошую, подсолнечную. Лучшая халва в мире! – зная слабость Кара-дайы к подсолнечной халве, подталкивал его к чаепитию.

– Украинская халва хорошая, ты прав! Не то что наши делают, зуб не воткнешь! – согласился Кара-дайы с неоспоримым преимуществом качества подсолнечной халвы украинского производства перед нашей. – С другой стороны, мне в принципе не тя-

жело, могу и в подвал спуститься, – ответил дежурными словами Кара-дайы. – Но раз ты предлагаешь чай, давай пить чай. Пусть будет по-твоему, – окончательно согласился он со мной. – Тем более с халвой. Покричи, пусть убирает, – дал мне команду Кара-дайы, чтобы я позвал его жену.

Я направился на кухню, чтобы попросить чай. С женой Кара-дайы встретились в коридоре.

– Всё уже? – мило спросила она. – Что-то спокойно он сегодня себя вел. Не кричал на тебя.

– Кизилловую водку мы сегодня пили, – объяснил я жене Кара-дайы причину сегодняшнего умеренного поведения ее мужа.

– Не знаю, что пили, сейчас чаю принесу, – сказала она мне и вернулась на кухню. – Скажи ему, чтобы не орал, всё равно на кухне я его не слышу.

– Сказал? – спросил Кара-дайы у меня по возвращении в комнату, а сам смотрел в окно.

– Сказал, – ответил я.

– Она что?

– Сказала, чтобы вы не орал, на кухне все равно не слышно, – ехидно улыбнулся я.

Даже намек не было на то, чтобы Кара-дайы злился. Он продолжал смотреть в окно и тоже усмехнулся, его маленькие и коротко постриженные усы разошлись по щекам.

– Пожалуйста, а ты говоришь. Разве такой ответ подходит женщине ее возраста? Поздно, Кара, поздно, – укорял сам себя.

Я не торопился садиться, ждал возможную команду от него, не раз такое бывало. Он замедлил дыхание и повернулся ко мне, положив локоть на стол, прошептал:

– А ты хитрый, оказывается. Халву мне привез из Украины, сам же хочешь ее есть. В кого, интересно, ты пошел?

Не секрет, что и до близкого общения и дружбы со мной Кара-дайы свои занимательные истории многократно рассказывал не только зогаллинцам, но и гостям деревни. Я подозревал, что к началу нашего с ним тесного общения он определенно надоел всем, желающим слушать его в Зогаллы было не так уж и много. С моим появлением Кара-дайы приобрел второе дыхание и наконец-то нашел истинного ценителя своего героического прошлого и настоящего поклонника.

Умение молчать и слушать, а также пятнадцатилетний «гнет» со стороны Кара-дайы с применением тутовки, алычовки, виноградной водки и сливовки оставили глубокий след в моем застольном поведении. За годы нашего общения с ним в моем лице Кара-дайы удалось воспитать самого внимательного, самого терпеливого и почти во всем согласного с ним слушателя собственных рассказов.

Искусство слушать собеседника, должен заметить, дается не каждому. Становление слушателя как неотъемлемого участника любого застолья – процесс долгий и изнурительный, набор опыта требует необходимой благоприятной среды и твердых наставников. Опытный слушатель за столом, где обильная еда и выпивка, должен обладать железными нервами, терпением и сноровкой. Отсутствие терпеливого слушателя в застолье превращает его в балаган, а там, где много участников за столом, – в колхозное собрание.

Благодаря Кара-дайы и качественной подготовке в одно время я стал считаться лучшим слушателем в зогаллинских застольях. Мое умение слушать Кара-дайы со временем стало интегрироваться и в другие зогаллинские застолья, слава о моем слушательском искусстве быстро распространилась на всю Зогаллы.

Моим безграничным терпением за столом и умением слушать начали пользоваться даже далекие от родства со мной земляки, беспрерывно приглашая меня в гости, когда я находился в Зогаллы, выдавая факт приглашения как знак особого уважения ко мне.

Поначалу мне льстило почтительное отношение земляков.

Я был спокойным, вдумчивым, малоговорящим, интеллигентным и в то же время пьющим слушателем, такие, как я, придают любому застолью цивилизованные формы. Как слушатель, я воздерживался от оценки слов и высказываний выступающих, старался их понять. За столом я спокойно переносил любую несусветную чушь и самый экспансивный бред, которые несли ведущие зогаллинских застолий или другие их участники, временами кивком головы поддакивал им, я во всем соглашался с ними. К тому же в те годы я обладал поистине замечательной способностью сосредоточивать внимание на голосе одного из говорящих, вслушиваться в речь только одного выступающего в присутствии других, в совершенстве владел этой «загадкой застольной беседы».

Поэтому и каждый день моего пребывания в Зогаллы был заранее расписан приглашениями любящих и уважающих меня земляков, отказать которым я был не в силах. Пока было желание и позволяло здоровье, я собирался усовершенствовать свое искусство слушателя, но тут в дело вмешался Кара-дайы.

Услышав о моих похождениях по всевозможным зогаллинским мероприятиям, Кара-дайы сам пришел к нам и дал мне такого нагоняя, что на долгие годы отбил у меня желание ходить в гости, будучи в Зогаллы. Мне тогда пришлось отказать многим людям, с которыми были предварительные договоренности.

Он появился у нас ближе к обеду. В руках у него была длинная и тонкая тростинка из фундука, выглядел он сильно озабоченным. Садиться за обеденный стол с нами он наотрез отказался, головой пригласил меня в сторону фундукового сада, где и состоялась наша беседа.

Младший брат спокойно наблюдал за происходящим, и когда я направился в фундуковый сад, громко засмеялся и сказал мне вслед:

– Держись!

В саду Кара-дайы прочел мне лекцию, которая по продолжительности превзошла даже академическую лекцию в вузах. Во время лекции Кара-дайы неустанно шлепал тростинкой по голенищам своих брюк, которые внизу были заправлены в безразмерные носки, издавая при этом не приятный для восприятия зычный звук. Процедура со шлепаньем скорее была направлена на подчеркивание критичности вопроса. Я и без шлепанья был в недоумении, не понимал, в чем провинился.

Кара-дайы неодобрительно качал головой. Прежде чем начать разговор, он коротко спросил у меня:

– И не стыдно тебе?

Я бы сразу признался, что мне стыдно, если бы догадался, в чем, поэтому ответил неопределенно:

– Раз вы так ставите вопрос, значит, мне должно быть стыдно.

Мой ответ не удовлетворил его, поэтому он повторил свой вопрос:

– Тебе стыдно или нет?

– Да стыдно, стыдно! – резко ответил я. – Можете сказать, в чем я провинился? Кара-дайы начал издаലെка.

– У кого в этой деревне выше всех ценится гостеприимство? Даже ребенок ответит: у Кара-дайы! С того дня, как мой покойный отец построил задуманное во дворе двухэтажное здание, мне он стал домом, а гостям Зогаллы – единственным пристанищем в деревне. Кто только не побывал гостем за эти годы в моем доме. Когда русский комиссар в тридцатые годы приезжал в Зогаллы по делам, и то у меня остановился.

Историю с русским комиссаром я знал, поэтому кивками головы поддержал Кара-дайы:

– Да, вы рассказывали, сильно он вам тогда помог!

Кара-дайы пропустил мимо ушей мою реплику о помощи русского комиссара.

– Принимать гостей мне завещал отец, – продолжил он. – «На первом этаже, в большой комнате с камином, принимай гостей, Кара», – сказал он мне за три дня до смерти. Сам не успел принимать, а мне завещал. Какой широкой душой надо было обладать, чтобы такое завещать своему маленькому сыну. И я всегда выполнял его волю, чтобы ты знал. Любой человек, знакомый или незнакомый, бедный или богатый, когда бы он ни появился на пороге моего дома, был уверен, что в этом доме его приходу будут рады. Мои глаза и глаза моей жены всегда сияли озорством и радушием при виде гостей. Мои гости знали, что в моем доме им не придется грустить, их накормят последним куском хлеба и, если надо, выделяют угол, чтобы тот ночевал. Я всегда считал, что дом, построенный руками моего отца, должен быть самым лучшим, самым теплым и гостеприимным. Если птицу узнают по полету, то хозяина видно по дому и по тому, как он гостей принимает. Вот поэтому мой отец и построил такой большой дом для своего сына.

Одним словом, первую, вступительную часть своей лекции, Кара-дайы посвятил себе и своему дому, построенному отцом, обозначив себя и свой дом образцами гостеприимства в Зогаллы. Честно говоря, возразить было нечем.

Постепенно Кара-дайы подходил к основной теме своей лекции:

– А сейчас обрати внимание, что отец мне завещал: «На первом этаже в большой комнате с камином принимай гостей, Кара», – сказал он. Он сказал «принимай гостей», а ведь мог сказать: «Дом у тебя есть, двор у тебя есть, гуляй, Кара!» А ведь мог сказать: «Не сиди дома, не скучай, Кара! Ходи в гости, веселись, радуйся». Ан нет, он прямо указал, что радоваться и веселиться надо у себя дома! Это наш родовой порядок, дедами нашими заложенный. Мы, «посохи», любим свой дом, свой очаг и гостей любим принимать у себя дома.

– «Посохи» в гости не ходят, да? – для полноты картины я задал ему этот вопрос.

– Нет, если надо, мы и в гости пойдем, – он среагировал мигом, – но мы тем и отличаемся от других, что мы обладаем особым чувством меры и такта, не позволяем себе быть хозяевам в тягость, куда бы в гости ни ходили. Пришли, посидели, поели и выпили, поблагодарили хозяев, высказали им свой восторг и уважение и ушли! И всё! А ты что делаешь? – неожиданно громко спросил у меня Кара-дайы.

– А что я делаю не так? – я всё еще не понимал, к чему он ведет.

– Засиживаешься до утра в гостях у сомнительных людей и не уходишь! Вот что ты делаешь! Вчера, когда мне рассказали о твоих похождениях, мне плохо стало. Я сперва даже не поверил. Хотел вечером прийти, не смог, гости были. Ночь плохо спал из-за тебя. Что ты творишь?

Тут до меня всё и дошло, я промолчал. Отчасти Кара-дайы был прав, уж больно долго я засиживался в последние дни в гостях. Честно говоря, мне самому начинали надоедать эти посиделки, с другой стороны, шла последняя неделя моего пребывания в Зогаллы, поэтому особо не переживал.

Но, оказывается, переживали другие и переживали по делу.

Тем временем Кара-дайы перешел к третьей, заключительной части своей лекции:

– Я, как никто, понимаю, гость необходим любому дому, он нужен, как воздух человеку. Но если воздух входит и не выходит, человек умирает. Понимаешь?

– Понимаю, – ответил я.

– Хорошо, хоть понимаешь, – сказал Кара-дайы, выдал длинную тираду с использованием любимых матерных выражений на русском языке, где было выражено

его недоумение и возмущение моими похождениями по деревне, которые, оказывается, не только не делают мне чести, как специалисту, закончившему вуз в Русете, но и позорят весь наш род «посохов». И как старший нашего рода, как выразился Кара-дайы, терпеть эти безобразия он больше не намерен.

– Пока я жив, я тебе не позволю! – громко заявил Кара-дайы. – Хватит позорить меня, вся деревня только об этом и говорит. А после моей смерти, – как он позже выразился, – поступай, как ты считаешь нужным, раз у тебя отсутствуют совесть и уважение к корням нашего рода. Можешь даже с мугалами пить, раз ты у нас такой умный! Мы как род тем и отличаемся от других, что сами любим и способны принимать гостей круглый год, – повторил он. – Мой дом в течение десятилетий открыт для любого, мимо проходящего. А в то же самое время мой внук ошивается в местах, где его ноги не должно быть! Я всю ночь не спал, когда узнал о твоих похождениях! – еще раз он подчеркнул, что весть о моих похождениях стала для него еще и причиной плохого ночного сна. – Если тебя так тянет на всевозможные веселья с сомнительными людьми, так знай: с сегодняшнего дня я тебе запрещаю! Понятно?

– Понятно, – тихо произнес я.

– Весь округ приходит в мой дом, чтобы угощаться моим куском хлеба и слушать меня! А моего внука тянет черт знает куда! Не быть этому! Видишь эту палку?

– Вижу, – улыбнулся я.

– Зря смеешься, ты плохо меня знаешь! Не посмотрю, что ты учился в Русете. Вот этим прутиком как дам тебе по мягкому месту, потом целый год не сможешь садиться! Этим прутом я отучил своего теленка от вымени коровы, а тебя отучу от бесцельных походов по деревне!

Я всецело признал свою ошибку и правоту Кара-дайы, дал слово, что больше никуда не пойду, если и пойду, то только согласовав с ним и с его разрешения.

– Ты смотри у меня, – пригрозил Кара-дайы.

Одним словом, применять фундуковый прутик в тот день Кара-дайы не решился, но разговор для меня оказался тяжелым и поучительным. И с того дня я перестал оттачивать свое слушательское мастерство в зогаллинских мероприятиях.

Когда я провожал Кара-дайы со двора, он остановился в дверях и спросил у меня:

– Когда уезжаешь?

– В воскресенье, – ответил я.

– А сегодня какой день?

– Сегодня вторник, – уточнил я ему.

– Вторник, говоришь! Отдохнешь до субботы здесь, дома, а в субботу в обед жду тебя у себя. Кстати, слышал, что сейчас придумали мугалы?

– Не слышал, – с недоумением ответил я. – Опять душить собрались?

– Хуже! – резко ответил Кара-дайы. – Совсем с ума свихнулись, чувствую, не успокоятся они, пока нас не выживут с этой земли. Я уже кое с кем из наших поговорил, кого надо предупредил. В субботу придешь, всё расскажу, – стал уходить Кара-дайы. Сделав несколько шагов, он остановился, улыбаясь, подмигнул мне:

– Осталось у меня немножко кизиловки, так и быть, посидим перед твоим отъездом!